

Построение дискурсов войны и мира

**(на материале программы
«Прямая линия с Владимиром Путиным»)**

Элина Вииникайнен
Университет г. Тампере
Факультет коммуникационных наук
Русский язык и культура
Дипломная работа
Май 2017

Tampereen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri
Viestintätieteiden tiedekunta

VIINIKAINEN, ELINA: Postroenie diskursov vojny i mira (na materiale programmy ”Prjamaja linija s Vladimirom Putinyim”)/ Sodan ja rauhan diskurssien konstruointi (aineistona ohjelma ”Prjamaja linija s Vladimirom Putinyim”)

Pro gradu –tutkielma, 68 sivua
Toukokuu 2017

Tutkielmassani tarkastelen sodan ja rauhan diskursseja representoitaessa Ukrainan kriisiin ja Krimin annektointiin liittyviä tapahtumia ohjelmassa ”Prjamaja linija s Vladimirom Putinyim”. Tarkoitukseni on selvittää, miten Venäjän presidentti Vladimir Putin representoi Ukrainan talven 2013 ja kevään 2014 tapahtumia sodan ja rauhan diskurssien avulla. Tutkimusaineistona on käytetty ohjelman ”Prjamaja linija s Vladimirom Putinyim” 17.4.2014 esitettyä lähetystä.

Tutkielman metodina toimii kriittinen diskurssianalyysi, joka pyrkii tarkastelemaan kriittisesti vallan ja kielen välistä suhdetta. Tutkimukseni kohteena on poliittinen diskurssi, jonka määrittelen työssäni politiikan (poliittisten päätösten) representaationa suurelle yleisölle. Poliittista diskurssia tutkittaessa kriittinen diskurssianalyysi pyrkii paljastamaan mm. miten poliitikot pyrkivät vaikuttamaan yleiseen mielipiteeseen kielen käytön kautta, ja miten mediadiskurssi vaikuttaa poliittiseen diskurssiin. Huomioni kohteena aineistossa esiintyvää poliittista diskurssia tutkittaessa ovat sodan ja rauhan diskurssit.

Sodan diskurssi pyrkii legitimoimaan ryhmien välillä esiintyvää konfliktia ”me vastaan muut”-konstruktion kautta. Ryhmien jäsenet jaetaan diskurssissa hyviin ja pahoihin vastakkainasettelun kautta. Näin ”meidän” konfliktimme ”heidän” kanssaan konstruoituu hyvän ja pahan väliseksi taisteluksi. Rauhan diskurssi puolestaan pyrkii antamaan kokonaisvaltaisemman kuvan konfliktista, ja löytämään kaikkia osapuolia tyydyttäviä ratkaisuja konfliktiin. Rauhan diskurssin tavoitteena on luoda yhteistyötä ihmisryhmien välille.

Ukrainan ja Krimin tapahtumat esitetään aineistossa sodan diskurssin avulla. Tämä näkyy selkeänä vastakkainasetteluna hyvien ja pahojen välillä, mikä tekee mahdolliseksi Vladimir Putinille ilmaista selkeästi kenen puolella hän haluaisi kuulijoiden olevan ja legitimoimaan Venäjän toimia Krimillä. Aineistosta voi löytää myös rauhan diskurssin formaaleja ominaisuuksia, kuten puhetta yhteistyön tärkeydestä. Rauhan diskurssin kriittinen näkökulma konfliktista konstruoi tuun kuvaan ja pyrkimys aitoon yhteistyöhön jää kuitenkin puuttumaan. Aineistossa näkyikin ennen kaikkea sodan diskurssille ominainen tapa esiintyä rauhan kielenä. Korostamalla yhteistyön merkitystä, Vladimir Putin voi luoda kuvaa, että Venäjä toimii rauhan asialla. Hänen kanssaan erimieliset ihmiset puolestaan tuomitaan konfliktin lietsojina. Näin voidaan tukahduttaa vastarintaa ja legitimoida Venäjän toimintaa.

Avainsanat: poliittinen diskurssi, sodan ja rauhan diskurssit, diskurssianalyysi, Vladimir Putin

Содержание

Введение	1
Глава 1. Критический дискурс-анализ	5
1.1. Критический дискурс-анализ как метод исследования дискурса	5
1.2. Дискурсы войны и мира	8
Глава 2. Политический дискурс.....	12
2.1. Определение политического дискурса	12
2.2. Политический дискурс в СМИ	14
2.3. Власть, язык и аудитория	16
Глава 3. Источник и материал работы	21
3.1. События в Украине и Крыму в конце 2013 и начале 2014 годов	21
3.2. «Прямая линия с Владимиром Путиным» (эфир 2014 года)	23
3.3. Жанр программы	24
Глава 4. Конфликт и мир.....	28
4.1. Дискурс войны	28
4.1.1. Ключевые вопросы	28
А) «Агрессоры» в Киеве.....	28
Б) «Агрессоры» на юго-востоке Украины	31
В) «Агрессоры», участвующие в событиях в Крыму	34
4.1.2. Предложение для идентификации.....	36
А) «Хорошие» участники конфликта в Украине	36
Б) «Хорошие» участники событий в Крыму	40
4.1.3. Ориентация на правду	41
А) «Наш» героизм и «их» неправильное действие	41
Б) Конфликт как неизбежный антагонизм	42
В) Корни антагонизма и «наши» победы	43
Г) «Наши» ценности	45
4.1.4. Логика для мотивации	47
4.1.5. Репортаж конфликта	48
А) Эскалация при концептуализации конфликта	49
Б) Эскалация при оценке прав, целей и действий.....	49
В) Эскалация при эмоциональной связности.....	51
4.2. Дискурс мира.....	52

4.2.1. Ключевые вопросы	52
4.2.2. Предложение для идентификации.....	59
4.2.3. Ориентация на правду	60
4.2.4. Логика для мотивации	61
4.2.5. Репортаж конфликта	62
А) Концептуализация конфликта	63
Б) Эмоциональная связанность.....	63
4.3. Выводы.....	64
Глава 5. Заключение	66
Список источников	69

Введение

В 2014 году политическая ситуация в Европе накалилась. Политический кризис в Украине изменил политическую атмосферу в Европе и сильно повлиял на отношения между Евросоюзом и Россией. Присоединение Крыма к России привело к санкциям со стороны США и некоторых европейских стран, которые повлияли на экономику России и других стран. Хотя аннексия (или воссоединение, в терминах многих российских СМИ) Крыма и возможное участие России в вооруженных схватках в Украине вызвали недовольствие во многих западных странах, в России эти события получили широкую поддержку. В разных СМИ эти события представлялись по-разному, например, репрезентация события в западных СМИ сильно отличалась от освещения данного факта в российских СМИ. Понять, что происходило на самом деле, было непросто. В такой обстановке официальная интерпретация ситуации государственных учреждений важна, так как можно считать, что у людей, работающих в этих учреждениях есть доступ к информации, к которой нет доступа даже у журналистов. Это дает привилегированное право власти первой интерпретировать события и тем самым направлять общественную дискуссию в заданное русло. Например, решение о воссоединении Крыма к России было принято российскими властями за закрытыми дверями. Таким образом именно государственные учреждения и политики являются важными источниками информации для населения при политических кризисах. В нашей работе мы изучим, как президент Российской Федерации Владимир Путин представлял ситуацию в Украине и Крыму и какую позицию он защищал в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным».

«Прямая линия с Владимиром Путиным» является программой, где граждане или прямо в эфире, или заранее, а также присутствующие журналисты, гости могут задавать Владимиру Путину вопросы, и он отвечает на них в прямом эфире; программа обычно транслируется центральными каналами и в интернет-сети. Аудитория программы – десятки миллионов человек. Программа дает широкую, уникальную возможность Путину обратиться к народу и выдвинуть официальную позицию российского правительства. Так как понять, что происходило в Украине и Крыму, было непросто, роль Путина как авторитетного источника информации здесь была важна. Мы будем исходить из того, что в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» объединяются две политические роли Путина: представитель государства и политик высшего ранга. Благодаря своей интерпретации событий Путин имел возможность повлиять на то, как эти события следует понимать людям не только в России, но

и политикам и населению других стран, особенно с проживающим там довольно многочисленным русскоязычным населением. Поэтому нас интересует, какие дискурсивные стратегии Путин выбирает и аргументирует тем или иным способом. Программа длилась четыре часа, из которых примерно два часа было выделено на обсуждения событий в Украине и Крыму. Это дало Путину подробно представить эти события, четко сформулировать свое отношение к ним и объяснить принятые решения российским государством.

Объектом исследования в дипломной работе является представленный политический дискурс в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» 2014 года.

Исследовательский вопрос связан с выявлением в речевом тексте В. Путина конструируемых им дискурсов войны и мира. **Дискурс войны** (конфликта) конструирует участников в конфликте через концепции «мы» и «они», «хорошие» и «плохие». Антагонизм между участниками конструируется как неизбежный, единственным решением антагонизму предлагается применение силы. **Дискурс мира**, в свою очередь, конструирует конфликт как проблему, которую можно решить удовлетворяющим все стороны способом. Если дискурс войны конструирует конфликт через противопоставление «хороших» и «плохих», то в дискурсе мира участники конфликта обеих сторон гуманизируются или по крайней мере их мнения и права уважаются. Дискурс мира конструирует всестороннюю, разностороннюю картину конфликта. (Kempf 1999: 5-7.) Мы выбрали эти дискурсы, так как они, по нашему мнению, наиболее существенны при анализе репрезентации конфликтных ситуаций, каковой ситуация в Украине и Крыму и являлась. Изучение этих дискурсов даст нам возможность понять, как конфликт конструируется и какую позицию В. Путин для решения конфликта аргументирует: военную или мирную, насильственную или договорную, компромиссную.

Цель исследования – изучить и проанализировать способы построения дискурсов войны и мира в речи президента Владимира Путина и выявить доминирующий. В связи с достижением цели предполагается решить следующие задачи:

1. выявить изучаемые дискурсы войны и мира, установить их конститутивные признаки;
2. описать языковые репрезентации дискурсов войны и мира;
3. на основе проанализированных данных выявить доминантный дискурс.

Дискурс войны часто доминирует в текстах СМИ. Это – следствие того, что послевоенная «холодная война» нормализовала антагонистический и милитаризованный язык в журналистике и популярной культуре, что до сих пор видно в современных СМИ (Kempf 1999:

1). Конструирование событий в Украине через дискурс войны позволяет В. Путину четко выразить, кто виноват в конфликте и на чьей стороне слушатели должны быть. Так как сам конфликт не происходит на территории России, у В. Путина есть также возможность, кроме обычной конструкции «хорошие» против «плохих», рассмотреть ситуацию с позиции постороннего наблюдателя и предложить удовлетворяющий всех компромисс. Это дает возможность конструировать ситуацию с помощью дискурса мира. Так как Россия сама участвует в событиях в Крыму, В. Путину более выгодно представлять события с помощью дискурса войны, оправдывая политический кризис. Дискурс войны позволяет интерпретировать ситуацию В. Путину выгодным способом, не принимая во внимание позицию другой стороны. Дискурс мира, в свою очередь, пытается найти удовлетворяющее все стороны решение. При представлении событиях в Крыму такой дискурсивный подход, как показывает наш материал, скорее всего невыгоден для В. Путина.

Актуальность исследования обосновывается необходимостью критического отношения к институционально-политической аргументации в СМИ и политической риторике лидеров. Конкретным политическим и медийным событием являлось начало острой конфликтной ситуации в Украине. Этот конфликт до сих пор не решен, и принадлежность Крыма к России не признана официально большинством стран. Важно понять, как российское государство осуществляло политическую и языковую аргументацию своих действий для получения поддержки у российских граждан своим действиям в Украине и Крыму.

Методологической основой дипломной работы служит **критический дискурс-анализ**, который предполагает, что дискурсы строят и поддерживают властные отношения. Критический дискурс-анализ является разноплановым методом, включающим в себя приемы исследования, которые могут быть релевантны для исследователя именно в выбранном им материале, исследователь может сам формировать исследовательский аппарат дискурс-анализа. В качестве исследовательского **материала** служат выявленные нами дискурсы, связанные с событиями в Украине и Крыму в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» 2014 года. Данная программа – непосредственный текстовый **источник** выявления дискурсов.

Наша дипломная работа относится к **case studies**. Исследования, выполненные в рамках такого подхода (другое название – тематические исследования) позволяют продемонстрировать связь теории с объяснением реальной ситуации и/или возникшей проблемы. Выбор такого подхода

для анализа определяется нашим желанием выяснить, что произошло, кто несет ответственность за произошедшее и на основании собранных доказательств и представленных фактов выявить дискурсивные способы аргументации причин и следствий того или иного события.

Глава 1. Критический дискурс-анализ

В этой главе мы представим метод нашей работы. Мы начнем с определения дискурса. Далее мы перейдем к определению критического дискурс-анализа. В конце мы свяжем этот исследовательский метод с анализируемыми нами дискурсами войны и мира и обсудим способы их взаимодействия и возможного анализа.

1.1. Критический дискурс-анализ как метод исследования дискурса

Мы начнем с определения самого слова «дискурс». Как пишет О.Л. Михалёва (Михалёва 2009: 15-17), термин «дискурс» не имеет четкого и общепризнанного определения. Он «употребляется для обозначения *речи, говорения, рассуждения, способности к рассуждению*» (Михалёва 2009: 17). Как термин он вошел в лингвистику в начале 1970-х гг. Первоначально в русской традиции у понятия «дискурс» было значение, близкое к термину «функциональный стиль», который уже бытовал в русской лингвистике. Однако термин «функциональный стиль» принадлежал к отрасли стилистики и означал особый тип текстов – разговорных, бюрократических, газетных и т.д. и также соответствующую этим типам лексическую систему и ее грамматику. Но в англосаксонской традиции не было стилистики как особой отрасли языкознания. «Дискурс» в таком понимании первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их языковых особенностях. Лишь значительно позже англосаксонские лингвисты стали употреблять слово «дискурс» в значении системы, стоящей за данностью текста. Определение также расширилось и стало включать не только тексты, но и устную речь. (Степанов 1995: www.)

Дискурс-аналитики (ученые, пользующиеся дискурс-анализом) едины во мнении, что дискурс – форма использования языка. Так как это недостаточно четкое, широкое определение, ученые представляют теоретический концепт дискурса, который более специфичен. Они включают такие компоненты в концепт дискурса, как: *кто* пользуется языком, *как*, *почему* и *когда*. (van Dijk 1997a: 2.)

Теоретический подход дискурса (в интерпретации ван Дейка) определяет его три основных измерения: (а) употребление языка, (б) коммуникативные верования (познание), (в) интеракция в социальных ситуациях. Дискурс исследуется несколькими научными

дисциплинами: лингвистикой (изучение языка и употребления языка), психологией (изучение убеждений и как они передаются через коммуникацию) и социальными науками (анализ интеракции в социальных ситуациях). Задача изучения дискурса – представить интегрированные описания этих трех основных измерений дискурса: как употребление языка влияет на убеждения и интеракцию или, наоборот, как убеждения влияют на употребление языка и интеракцию. (van Dijk 1997a: 2.) В нашей работе мы будем использовать метод анализа дискурса под названием «критический дискурс-анализ».

Как пишут Н. Фэркло и В. Водак (1997: 258), критический дискурс-анализ так же, как и другие подходы к дискурс-анализу, анализирует реальные и часто длительные случаи социального взаимодействия, которые имеют языковую форму. Критический дискурс-анализ отличается от других методов своим взглядом, во-первых, на отношения между языком и обществом и, во-вторых, на отношении между анализом и анализируемыми практиками. Критический дискурс-анализ видит дискурс как форму социальной деятельности. Это подразумевает диалектическое отношение между отдельным дискурсивным случаем и ситуацией, учреждениями и социальными структурами, которые являются рамкой для этого случая. Диалектическое отношение является двусторонним: дискурсивный случай формируется событиями и институтами, но также и формирует их. Дискурс конструирует ситуации, предметы знания и социальную идентичность личностей и групп, также конструируя отношения между людьми и между группами. Так как дискурс настолько социально влиятелен, у дискурсивной деятельности может быть идеологическое воздействие. Дискурсивная деятельность может производить и поддерживать неравные властные отношения между, например, социальными группами, мужчинами и женщинами, этническим большинством и меньшинством. Идеологический груз отдельных способов употребления языка и властные отношения, стоящие за ними, часто неясен для людей, скрыт от них. Критический дискурс-анализ стремится сделать более явными, видными эти непрозрачные аспекты дискурса. (Fairclough, Wodak 1997: 258.)

Что касается отношений между анализом и анализируемыми практиками, критический дискурс-анализ подходит к объектам исследования не как бесстрастная и объективная социальная наука, а как вовлеченная и преданная идее равенства, вскрытия за языком социального (властного) подтекста. Это способ вмешаться в социальные практики и социальные отношения. Однако критический дискурс-анализ не является исключением привычной объективности социальных наук, так как социальная наука привязана к политике

и формулированию политических решений. От других социальных наук критический дискурс-анализ отличается тем, что он вмешивается в отношения между доминирующими и угнетенными группами в пользу угнетенных групп, и тем, что он открыто объявляет о своих освободительных намерениях, которые мотивируют его. (Fairclough, Wodak 1997: 258-259.)

И. Фэркло и Н. Фэркло отмечают (Fairclough, Fairclough 2012: 78), что критический дискурс-анализ стремится расширить критическую традицию социальных наук, чтобы она включала дискурс. Целью критического дискурс-анализа является изменить лингвистику и другие области исследования языка, введя критический взгляд на язык из критической теории социальных наук. Это включает более глубокое понимание отношений между дискурсом и другими составными частями социальной жизни, такими как социальные отношения (и отношения власти), идеологии, социальные учреждения и организации и социальные идентичности. Критический дискурс-анализ стремится также развить способы анализа и исследования этих отношений. (Fairclough, Fairclough 2012: 78.)

Как отмечают Фэркло и Водак (Fairclough, Wodak 1997: 259), критический дискурс-анализ вносит свой вклад в критическое исследование языка в современном обществе. Так как язык используется широко в разных сферах общества, исследования в области критического-дискурс анализа интересуются множеством видов употребления языка, включая язык рекламы, язык на рабочих местах и интересующий нас язык политики. Политика является одной из сфер социальной жизни, которая все больше центрируется вокруг СМИ, особенно телевидения. У политиков в наше время есть постоянный беспрецедентный доступ к большой публике. Это обеспечивает им возможность активно влиять на общественное мнение и приобретать поддержку населения. Рассчитанный и продуманный характер политического языка способствует успеху политических элит или какого-либо лидера в политической гонке. Кроме этого, на конструкцию политического дискурса также влияют экономические цели СМИ, то есть стремление к прибыли и расширению аудитории. (Fairclough, Wodak 1997: 259-260.) Критический дискурс-анализ стремится выявить, как политики с помощью языка пытаются влиять на общественное мнение и как дискурс СМИ влияет на политический дискурс в СМИ. В нашей работе мы остановимся на вопросе, как с помощью дискурсов войны и мира В. Путин пытается повлиять на общественное мнение в интерпретации событий в Украине. Мы далее рассмотрим особенности этих дискурсов. Политический дискурс как более обширную рамку мы рассмотрим подробнее во второй главе нашей работы.

1.2. Дискурсы войны и мира

В аналитической части нашей работы мы будем рассматривать центральные для нас дискурсы войны и мира. В этой же части мы рассмотрим ключевые особенности этих дискурсов. Дискурс войны доминирует в репортажах конфликтов в СМИ. Вследствие этого важно понимать, что такое дискурс войны и как он служит эскалации конфликта. Дискурс мира часто отсутствует в репортажах конфликтов. Причиной этому служит то, что участникам в конфликте сложно искать вместе удовлетворяющее всех решение. Если даже «мы» и готовы к мирному решению, нет гарантии, что вторая сторона будет уважать «нашу» позицию и достигнутое решение. Чтобы избежать возможного предательства второй стороны, конфликты часто конструируются как ситуация конкуренции, в которой победить может только одна сторона. Исходя из этого в СМИ и публичном пространстве следует доминирование дискурса войны. (Kempf 2003: 7-8.)

Как отмечает Вильгельм Кемпф, дискурс войны пытается поддерживать равновесие между угрозой и возможностью победы и таким образом укреплять готовность своих солдат воевать и волю гражданского населения продержаться до конца война. Враг должен казаться настолько опасным, что вся возможная сила должна быть использована, чтобы остановить его. Одновременно враг должен также казаться достаточно слабым, чтобы уверенность в победе не исчезла. Эти противоречивые предпосылки предоставляют конфликтующим сторонам оправдание войны, справедливость своих целей, незаконности врага и так далее. (Kempf 2003: 7.)

Для дискурса войны характерен эгоцентричный взгляд на войну. На первый план выдвигаются «наши» права и «наша» выгода. Отношение с конкурирующей стороной видится как соревнование, где обе стороны не могут выиграть одновременно. «Наша» победа – значит «их» поражение. Конфликт конструируется борьбой «правды» против «неправды», «хороших» против «плохих». Насилие выдвигается как единственный способ решить конфликт. (Kempf 1999: 2.) Пропаганда признает иерархию ценностей так, что победа является самой важной целью и все остальные цели ей подчиняются. Присутствие дискурса войны может варьировать. На вероятность присутствия дискурса войны влияет:

1. насколько общество участвует в конфликте,
2. близость общества к конфликтующему региону в историческом, политическом, экономическом и идеологическом отношении,

3. интенсивность и традиции культуры войны в обществе. (Kempf 1999: 4.)

Кемпф (2003: 7) определяет дискурс войны следующим образом:

Ключевые вопросы: Кто «агрессор»? Как его можно остановить?

Критерии идентификации: поляризованные, а именно:

- гуманизирует «наших» политических и военных вождей и обезчеловечивает тех на другой стороне;
- гуманизирует «наших» солдат и обезчеловечивает тех на другой стороне;
- гуманизирует «наших» жертв и игнорирует или обезчеловечивает тех на другой стороне;
- гуманизирует «наше» гражданское население за его лояльность и желание приносить жертвы и обезчеловечивает тех на другой стороне за их национализм;
- гуманизирует антивоенную оппозицию другой стороны и игнорирует или обезчеловечивает свою как предателей.

Ориентация на правду:

- видит правду только как необработанный материал;
- рассказывает истории про «наши» героические поступки и злодеяния другой стороны;
- конструирует контекст конфликта как неразрешимое противоборство;
- находит «наши» ценности с помощью политических, исторических и этнических мифов.

Логика мотивации: представляет конфликт как ограждение от уничтожения и/или как путь к лучшему будущему.

Репортаж конфликта: стремится к эскалации следующего

- концептуализации конфликта;
- оценки прав, целей и поступков участвующих в конфликте;
- побуждении людей к эмоциональной вовлеченности в конфликт.

У. Гэй (1999: www) отмечает, что важный манипуляторный аспект дискурса войны – это то, что дискурс войны часто репрезентирует себя как язык мира. Военное подавление вооруженных конфликтов может репрезентироваться как поддержание мира. Фраза «мир с помощью силы» (peace through strength) на самом деле способствует наращиванию вооруженных способностей страны. Один из способов репрезентировать дискурс войны как

язык мира – это употребление эвфемизмов¹. С помощью эвфемизмов создается лингвистическая альтернатива ужасам войны. Эвфемизмы делают возможным думать, говорить и писать о событиях войны абстрактным или непрямым способом, что позволяет уйти от визуализации и оправдания того, что происходит на самом деле. Когда широкая аудитория слышит или читает об этих событиях, им сложно понять, что на самом деле происходит. (Gay 1999: www.)

Дискурс мира признает, что надо рассказать и вторую половину истории конфликта. Ключевые вопросы дискурса мира: в чем проблема, как проблемы можно преобразить, чтобы найти решение, которое служило бы всем участвующим. Дискурс мира пытается деконструировать полярность дискурса войны. Дискурс мира воздерживается от идентификации с политическими и военными лидерами, военными и сторонниками конфликта любой стороны. Он может перестроить отношения между конфликтующими сторонами с помощью всесторонней гуманизации или по крайней мере уважении жертв конфликта, членов общества и тех, которые стремятся к мирной трансформации конфликта. (Kempf 1999: 6-7.)

Дискурс мира следует безусловным стандартам правды и выявляет противоречия. Он рассказывает также истории об «их» страдании, «нашем» злодеянии, успешной кооперации и преодолении антагонизма. Он исследует возможности трансформации конфликта. Он деконструирует мифы и выделяет общие ценности. Дискурс мира указывает на цену победы, вред для культуры, экономики, социальных отношений и так далее. Он исследует возможности для мира и примирения. (1999: 7.)

Кемпф (2003: 7) определяет дискурс мира следующим образом:

Ключевые вопросы: Объект конфликта? Как его можно трансформировать?

Критерии идентификации: универсальные, а именно:

- избегает идентификации с политическими и военными вождями обеих сторон;
- избегает идентификации с военными обеих сторон;
- гуманизирует (по крайней мере уважает) жертв обеих сторон;
- гуманизирует (по крайней мере уважает) гражданское население и избегает идентификации с милитаристами обеих сторон;

---

¹ Эвфемизм: «Слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное, напр. «уснул последним сном» вместо «умер», «неумен» вместо «глуп».» (ТСРЯ 2006: 906).

- гуманизирует (по крайней мере уважает) защитников мира обеих сторон.

Ориентация на правду: безоговорочно связывает себя обязательством соблюдать стандарты правды и также раскрывает противоречия:

- рассказывает также истории про «наши» злодеяния и страдания другой стороны;
- рассматривает возможности для конструктивной трансформации конфликта;
- деконструирует мифологические интерпретации и ищет общие ценности.

Логика мотивации: сосредоточена на цене победы, разрушении культурных, экономических и социальных ценностей.

Репортаж о конфликте: стремится к деэскалации следующего:

- концептуализации конфликта;
- оценки прав, целей и поступков участвующих в конфликте;
- побуждении к эмоциональной вовлеченности людей в конфликт.

Гэй отмечает (1999: www), что отсутствие дискурса войны необязательно значит присутствие языка, стремящего к миру. Мир (=отсутствие войны), как положение дел, может быть положительным или отрицательным. Состояние положительного мира значит, что все стороны конфликта стремятся создать и сохранить мир, тогда как состояние отрицательного мира – значит просто отсутствие насилия, но сам конфликт может остаться без решения. Язык, употребляемый при состоянии положительного мира, является действительным дискурсом мира. Язык, употребляемый при состоянии отрицательного мира, не является дискурсом мира, так как он не пытается разрешить конфликт и найти способы для сотрудничества. (Gay 1999: www.)

В нашей работе мы изучим конструирование этих дискурсов в материале. Нас особенно интересует вопрос: как дискурсы войны и мира применяются в политическом дискурсе. Насколько частотны, употребительны в речи Путина дискурсы мира и войны? Если дискурс мира присутствует, то все-таки какой мир (положительный или отрицательный) доминирует у Путина? Для раскрытия взаимодействия политического дискурса и дискурсов войны и мира мы далее рассмотрим особенности политического дискурса.

Глава 2. Политический дискурс

В этой главе мы объясним, что такое политический дискурс. Программа «Прямая линия с Владимиром Путиным» связана с этим дискурсом посредством другого дискурса, массмедийного, или дискурса СМИ. Мы начнем с определения политического дискурса, после этого мы рассмотрим особенности политического дискурса в СМИ. В конце мы обсудим отношения власти, языка и публики.

2.1. Определение политического дискурса

Определение политического дискурса неоднозначно. Какие особенности делают дискурс именно политическим, вопрос, так и не получивший пока удовлетворительного объяснения и системной дифференциации от других дискурсов. И. Фэркло и Н. Фэркло пишут, что область исследований политического дискурса еще не разработала четкого различия между политическим дискурсом и другими видами дискурса (Fairclough, Fairclough 2012: 17). Ван Дейк прилагает политический дискурс к деятельности политических деятелей, участвующих в политических процессах и событиях. Политическими деятелями являются все участвующие в политических процессах: политики и их слушатели, избиратели, демонстранты, активисты и так далее. С его точки зрения, понятие контекста существенное для понимания политического дискурса. Дискурс политических деятелей не является «политическим» вне политического контекста, так как политический контекст является контекстом, который позволяет деятелям достичь своих политических целей, таких как воздействие на политические решения, то есть на решения, которые относятся к области совместной деятельности, например, распределение социальных средств, установление или изменение официальных норм, регуляций и законов. (van Dijk 1997b: 12-16.)

Фэркло и Фэркло (Fairclough, Fairclough 2012: 17), в свою очередь, при определении политического дискурса исходят из определения природы политики. Они пишут, что исследователи политического дискурс-анализа имеют склонность к взгляду на политику, где репрезентации имеют центральное место, в отличие от вопросов принятия решений и действий. Однако, по их мнению, центральными для политики являются концепты обсуждения и принятия решений в контексте неопределенности, риска и разногласия. Их подход отдает приоритет анализу практического рассуждения. Таким образом анализ

политического дискурса должен сосредоточиваться на аргументации. (Fairclough, Fairclough 2012: 17.) В центре политики находится процесс достижения решений о действиях, касающихся общественных дел, кооперативно с помощью определенного вида совместной аргументации или обсуждения. Цель политики – решить разногласия и конфликты общества и ответить на требования обстоятельств и событий. Кроме решения разногласия, политика также оперирует процессом принятия решений в условиях сомнения, отсутствии информации и риска. (Fairclough, Fairclough 2012: 34.)

Определение политического дискурса ван Дэйка и Фэркло основано на широком определении политики. Как пишет Хейвуд: «Политика, в самом широком смысле, является деятельностью, с помощью которой люди создают, сохраняют и изменяют общие правила, по которым они живут. [---] центр политики часто изображается как процесс решения конфликта, при котором конкурирующие взгляды согласуются друг с другом.» (Heuwood 2013:2.) [перевод наш].

Однако, как отмечают Г.Е. Лауэрбах и А. Фетцер (Lauerbach, Fetzer 2007: 5), с точки зрения исследования проблему создает доступ к самому процессу принятия решений. Они ссылаются на М. Эдельмана, который пишет (Edelman 1964: 5), что надо делать различия между политикой как представлением для наблюдателей и политической активностью как способом организованных групп достичь ощутимой выгоды для себя. По мнению Эдельмана, обсуждение политических вопросов в СМИ не является частью политического процесса принятия решений. Картинки, предлагаемые наблюдателям телевизионными новостями, газетами, журналами и дискуссиями, создают мир, который, однако, является недоступным для широкой публики. Таким образом, цель выступлений политиков в СМИ не включение общества в процесс обсуждения проблем, а представление уже принятых решений и овладение общественной поддержкой. Сам политический процесс принятия решений закрыт от общества. Относительно немногие люди участвуют в политике прямым способом, совершая поступки, у которых есть непосредственно наблюдаемые последствия. (Edelman 1964: 5.)

Как отмечают Лауэрбах и Фетцер (Lauerbach, Fetzer 2007: 5), из-за проблемы, связанной с доступом к решениям, большинство исследований политического дискурса имеет дело с презентацией политики широкой публике, а не с производством политики через процесс принятия решений. Мы согласны с Лауэрбах и Фетцер, и в настоящей работе мы будем рассматривать политический дискурс как дискурс, связанный с представлением уже принятых

решений широкой публике и овладением общественной поддержкой властью с помощью языковой аргументации.

Политический дискурс в нашем материале реализуется через СМИ. СМИ – важный инструмент функционирования и поддержания политического дискурса. Далее мы более подробно обсудим, как СМИ влияют на политический дискурс, обеспечивая его распространение.

2.2. Политический дискурс в СМИ

Политический дискурс в СМИ представлен и мотивирован тремя типами дискурса. Во-первых, это институциональный дискурс. Это значит, что на обсуждаемые политические темы влияют институциональные цели и на форму дискурса – институциональные процедуры. Во-вторых, это медиадискурс, который является публичным дискурсом, адресованным масс-медиа непосредственной публике. В-третьих, это опосредованный политический дискурс, который является исходом встречи двух институциональных дискурсов – политического и масс-медиа. (Lauerbach, Fetzer 2007: 14-15.) Далее мы кратко опишем эти три типа дискурса и как они объединяются в политическом дискурсе.

При определении институционального дискурса его часто сравнивают с обычной речью, считая, что институциональный дискурс строится на неравных властных отношениях, когда при обычной речи между участниками существуют равные властные отношения. Как отмечает Дж. Торнборроу, социальное властное неравенство, однако, может отражаться и в обычной речи (Thornborrow 2002: 3). Поэтому Торнборроу предлагает следующие сферы использования институционального дискурса:

1. дифференцированные роли (предварительно определенные и традиционные роли или идентичности: школьный класс, телевизор или радио или комната допроса полиции);
2. структурно асимметричное распределение типов очереди высказывания между участвующими (говорящие с разными институциональными идентичностями обычно занимают разные дискурсивные идентичности; они получают разного типа очереди, при которых они делают разные вещи; например, интервьюер обычно задаёт вопросы, интервьюируемый отвечает на них; учитель назначает следующего говорящего ученика, ученик отвечает);

3. асимметричные отношения между участвующими с точки зрения прав и обязанностей говорящего (высказывания определённого типа считаются допустимыми для некоторых говорящих, но не для других; например, следователь, ведущий допрос, задаёт вопросы, ответчик этого делать не может);
4. ослабленность дискурсивных ресурсов одних и усиленность дискурсивных возможностей других. (Thornborrow 2002: 4.)

Вкратце институциональный дискурс можно описать как тип разговора, который устанавливает для участвующих позиции, в рамках которых они разговаривают (=дискутируют), и ограничивает доступ некоторых участвующих к определённым дискурсивным действиям. (Thornborrow 2002: 4.) Как отмечают Фэркло и Фэркло, было бы неразумно считать участвующих в разговоре ответственными за дискурсивные действия, которые они либо принуждены делать, либо не могут делать из-за ограничений институционального контекста. Не было бы также разумно считать их ответственными за неуспех в достижении результатов, которые невозможно достичь. (Fairclough, Fairclough 2012: 54.)

Институциональный дискурс как общественный продукт и социальный диалог реализуется зачастую в СМИ. Самая важная особенность медиадискурса – это то, что он адресован непосредственной публике. Это влияет на его содержание, форму, конструирования значения знаков участвующими. В обычном и опосредованном лицом к лицу диалогах участвующие могут инициировать ряды исправления. Однако в опосредованном диалоге существуют ограничения согласования значений. Во-первых, длина ряда исправления ограничена строгим графиком программы. Во-вторых, зрители не могут прямо вмешиваться в этот процесс между участвующими, задавая уточняющие вопросы. Они могут, тем не менее, участвовать опосредованными способами или через другие типы опосредованного дискурса. Опосредованный дискурс обязательно общественный дискурс. (Lauerbach, Fetzer 2007: 17-19.) Медиадискурс доступен для широкой аудитории, включая другие СМИ, у которых есть право комментировать события и помещать их в новый контекст и таким образом конструировать интертекстуальность. Эта интертекстуальность является центральной для медиадискурса. Предшествующие высказывания политиков могут быть оспорены при их следующих выступлениях. (Lauerbach, Fetzer 2007: 19.)

Политический дискурс в СМИ является институциональным, опосредованным дискурсом, совместно произведённым взаимодействием представителей двух макроинститутов современного общества – политики и СМИ. Он является презентацией политики, но не её производством. Отношения между политикой и СМИ строятся на обмене: информация (со стороны политиков) обменивается на публицити (со стороны СМИ). Как отмечает МакНэр (2007: 24), политики могут использовать СМИ для воздействия на общественное мнение вместо обеспечения фактической информацией. Общественный характер политики может стать проблемой для успеха политика, поэтому политики могут скрывать информацию, которая ставила бы их в затруднительное положение. Манипуляцией общественным мнением и утаиванием информации политики занимаются с помощью СМИ. Методы, применяемые политиками для производства общественного мнения, развиваются со временем. (McNair 2007: 24.)

Перечисленные выше признаки сложного переплетения разных дискурсов в СМИ хорошо проявляются в «Прямой линии с Владимиром Путиным». Назовем их:

1. Институциональный аспект дискурса в нашем материале виден в том, что у аудитории нет достаточно информации о ситуации. Решение присоединить Крым был решением Президента и правительства. В. Путин как член высших структур власти имеет доступ к причинам присоединения чужой территории. Таким образом, его рассуждения сложно оспаривать.
2. Так как у аудитории нет такого же доступа к информации и властным решениям (в данном случае – присоединение Крыма), у В. Путина есть также возможность скрывать информацию, которая ставила бы его в затруднительное положение.
3. Формат также не дает возможности тому, кто задает В. Путину вопрос, оспаривать полученный ответ. Это дает возможность формулировать отвечающему ответ так, как автор (В. Путин) считает нужным. Ему не надо отвечать на уточняющие вопросы и возражения.

2.3. Власть, язык и аудитория

Политика связана с властными отношениями, пропорциями между ее деятелями. С. Люкс выделяет три измерения власти: 1. возможность преобладать над другими при принятии решений; 2. возможность ограничивать рамки принятия решений и таким образом исключать вопросы, обсуждение которых принесло бы вред людям во власти; 3. (непреднамеренное)

влияние поведения группы, институциональных практик и систем на ограничения рамки принятия решений (те, у которых нет власти, не имеют возможность выразить свои интересы или даже осознать их). (Lukes 2005: 16-28.) Оказывать власть над деятелем – это давать ему причины для действия, которых у него иначе не было бы. Такие причины могут быть продиктованы расчетливостью (когда люди подчиняются авторитету, чтобы избежать насилия) или деонтическими причинами, когда люди признают и принимают их внешнюю (моральную, институциональную) силу. Тип власти, участвующий в процессе натурализации убеждений и ценностей, которые не выдержали бы критического анализа, является идеологической властью систем. (Fairclough, Fairclough 2012: 115.)

Исходя из такой посылки, С. Люкс делит власть на «власть чтобы» (power to) и «власть над» (power over) (Lukes 2005: 69). «Власть чтобы» – это способность вызывать и принимать изменения или сопротивляться изменениям при изменяющейся реальности. Следовательно, власть является потенциальной способностью, которая может никогда не актуализироваться. Это значит, что те, которые не проявляют власть, могут ее все же иметь. Также иметь средства для достижения власти не значит иметь власть. Например, иметь военное превосходство еще не служит гарантией победы в войне. «Власть над» – это определенная форма «власти чтобы», которая проявляется в социальных отношениях. «Власть над» содержит в себе асимметричные отношения между людьми. Это значит, что те люди, у которых есть «власть над» определенными людьми, имеют возможность ограничивать выбор этих людей и таким образом вызывать в них собой желаемые действия. (Lukes 2005: 69-74.)

Политики часто включают в причины предлагаемого действия объективные и независимые от желаний причины, которые основаны на функции должности и моральном обязательстве. Тот факт, что политики обычно выдвигают такие причины, говорит о том, что их власть следовать предложенной линии действий зависит от их способности легитимировать ее, то есть убедить слушателей принять линию действия в силу легитимности лежавших в ее основе ценностей. Призыв к справедливости может легитимировать политическое действие потому, что справедливость является публично оправданной или публично признанной, легитимной ценностью. К тому же ее вызов предлагает, что политик почитает свои обязательства (институциональные и безличные), приложенные к функции его должности. (Fairclough, Fairclough 2012: 115.)

Легитимация – это особенный тип обоснования. Легитимация вызывает разделяемые и принимаемые обществом системы убеждений, ценностей и норм, в силу которых предлагаемое действие рассматривается легитимным. Обоснование действия, которое не вызывает таких разделяемых обществом систем правил или норм, не может быть названо легитимацией. (Fairclough, Fairclough 2012: 109.) Так как легитимация является часто именно лингвистической практикой, язык выступает важным инструментом для достижения власти. Путин пользуется легитимацией для достижения своих целей. Он должен пользоваться общепринятыми ценностями, чтобы люди поддержали его действия. Это он делает с помощью языка. Далее мы рассмотрим особенности власти языка.

Как отмечает Чилтон (Chilton 2004: 6), политической активности не существует без языка. Хотя политика не содержит в себе только языковую деятельность, политическая активность происходит преимущественно на уровне языка (2004: 6). В нашем материале политическая активность связана с аргументацией российской власти по поводу событий в Украине и Крыму. В программе В. Путин отвечает на вопросы, что и почему в Украине и Крыму происходит. Как отмечает Каллиокоски (1996: 10), обычный способ презентации событий – это изложить их в виде рассказа. Рассказ, однако, не объективное изложение событий. Он рассказывается с определенной точки зрения. Эта точка зрения влияет на то, какие чувства к рассказу испытываются рассказчиком. Рассказ также позволяет делать оценку выборов и действий людей повествования. (Kalliokoski 1996: 10, 13.) Это значит, что изложение событий конфликта в Украине не является объективным, а содержит чувства и оценки, которые поддерживают выдвигаемую В. Путиным точку зрения.

Точка зрения выражает отношение говорящего к событиям. Она также говорит о том, как говорящий воспринимает события. В нашем случае В. Путин не просто выражает, как он воспринимает события, но и то, как он хочет, чтобы аудитория воспринимала события. В основе выбора определенных языковых возможностей можно видеть систему социокультурных ценностей и верований, то есть идеологию говорящего. (Kalliokoski 1996: 10, 13.) Как отмечает Томпсон (1984: 2), мысли или идеи не просто протекают через социальный мир, они вращаются в социальном мире в форме языковых высказываний. Эти высказывания пересекаются с властью, поддерживая и производя ее (Thompson 1984: 2).

М. Мьякия выделяет три уровня анализа власти языка: 1. уровень концептуальной, или ментальной, власти, 2. уровень власти убеждать и уговаривать, 3. уровень власти структур и

символов (Mälkiä 1997: 20-21). Концептуальная, или ментальная, власть языка связана с структурированием и интерпретацией реальности и опыта. У языка существенная роль в структурировании и интерпретации реальности. Язык создает, структурирует и конструирует социальную реальность. (Mälkiä 1997: 23.) Власть языка убеждать и уговаривать связана с коммуникативной функцией языка. Власть языка в убеждении, влиянии и уговаривании проявляется через языковую коммуникацию. (Mälkiä 1997: 29.) Власть структур и символов связана со способностью языка конструировать социальное общение и поддерживать и укреплять социальные отношения власти и влияния людей и групп, участвующих в общении (Mälkiä 1997: 29). Анализ нашей работы будет рассматривать уровень убеждения, так как мы хотим выяснить, как В. Путин хочет, чтобы аудитория интерпретировала ситуацию в Украине и Крыму.

Ханнэй пишет (2005: 69), что широкая публика формирует свое мнение так же, как любители искусства реагируют на произведения искусства. Пробуждение чувств у избирателей можно также рассматривать как искусство. Политикам, карьера которых в современных обществах зависит от поддержки публики, помогают эксперты в представлении событий так, чтобы избиратели отзывались. Политики умеют вызывать чувства страха, опасности, национальной гордости и ощущение национальной миссии. Они имеют преимущество над избирателями в виде осведомленного понимания многих интересов, которые политическая жизнь должна обслуживать и которые публика, как сторонние люди, не может знать. Преимущество политиков может также заключаться в том, что они могут производить свою упрощенную версию этого понимания для широкого потребления. Другая возможность, что у политиков нет осведомленного понимания и политики находятся под влиянием сил, которых они сами не понимают, или, если понимают, не могут контролировать. Независимо от того, как все происходит на самом деле, общественное мнение является важным для политических практик, хотя публика сама из них исключена. Общественное мнение важно потому, что тем, кто занимается политикой, надо убедить публику, что они служат общему интересу. Но также ясно, что общественным мнением можно манипулировать или даже его можно купить. (Hannay 2005: 69.)

Мы исходим из того, что политический дискурс в нашем материале выражает личные мысли не только самого В. Путина, а всей системы государственной власти. У политического дискурса есть одна интересная особенность, которая отличает политический дискурс от некоторых других видов дискурса: изучить позицию самого политика часто невозможно. У

нас нет доступа к интерпретации ситуации самим В. Путиным, так как мы не можем отделить в материале собственную позицию В. Путина от позиции, которую сам В. Путин, возможно, не поддерживает, но которая служит ему для убеждения аудитории. Политическая власть отчасти с этим и связана. Не выражая своих истинных целей, а легитимируя свои действия с помощью разных языковых средств, политики могут получить общественную поддержку даже для действий, которым иначе могли бы возражать.

Точка зрения, которую В. Путин выдвигает, помогает легитимировать действия Российского государства. В аналитической части нашей работы мы рассмотрим, как дискурсы войны и мира работают в политическом дискурсе и как с помощью этих дискурсов можно добиться общественной поддержки политическим решениям.

Глава 3. Источник и материал работы

В этой главе мы представим краткую информацию о политическом кризисе в Украине, послужившем одной из основных тем в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» и ставшем непосредственным предметом нашего интереса к теме. Мы также представим наш источник, откуда был извлечен языковой материал, и опишем специфические жанровые особенности программы.

3.1. События в Украине и Крыму в конце 2013 и начале 2014 годов

Политическим контекстом нашей работы являются события в Украине и Крыму в конце 2013 года и первой половине 2014 года. Политический кризис в Украине был спровоцирован в конце ноября 2013 года, когда президент Украины Виктор Янукович отказался подписать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Это решение вызвало массовые акции протестов в Киеве и других городах западной Украины. Протесты были направлены против Януковича и коррупции властей. (Kokkonen 2014a: [www](#).) Первого декабря 2013 года протестующие захватили здание муниципалитета в Киеве и установили палатки на площади Майдан. 16 января 2014 года парламент Украины принял законы, которые фактически запретили акции протестов. Через несколько дней после этого два протестующих были убиты выстрелами из оружия и третий умер при падении с ворот на месте протеста. В конце января премьер-министр Украины Николай Азаров отказался от должности и парламент отменил новые законы. Парламент также принял законы о помиловании задержанных протестующих, но оппозиция отказалась принять условия, то есть уйти из захваченных зданий. В середине февраля все задержанные при протестах были освобождены, но их обвинения остались в силе. После этого протестующие освободили здание муниципалитета Киева, после чего правительство отказалось от обвинений протестующим. (Wallius, Hanhivaara 2014: [www](#).)

18 февраля 2014 г. тысячи протестующих предприняли попытку марша к зданию парламента, в то время как милиция пыталась их остановить. Протестующие кидали в милицию камнями, милиция получила приказ разогнать протестующих, стреляя в них резиновыми пулями и используя дымовые бомбы и шумовые гранаты. Протестующие подожгли два грузовика, которые закрывали дорогу, недалеко от здания парламента. Сотни протестующих также ворвались в здание партии Виктора Януковича и кидали в здание бутылки с горючей смесью.

Часть здания загорелась. Это все привело к тому, что вечером этого же дня подразделения Украинских внутренних войск вошли на Майдан, где протестующие находились в палаточном лагере уже два с половиной месяца. (Rajunen 2014: www.) С этого началось столкновение, где погибло по крайней мере 26 человек. За этот и несколько последующих дней в Киеве погибло при столкновениях около 80 человек, раненых было около 600 человек. 21 февраля 2014 г. президент Украины и три руководителя оппозиционеров подписали соглашение о завершении конфликта. В соглашении обе стороны договорились о проведении досрочных президентских выборов и формировании парламентско-президентской формы правления. На следующий день парламент Украины отстранил Виктора Януковича от должности президента. Янукович покинул Киев и объявил, что он считает действия парламента незаконными и представителей оппозиции преступниками. Парламент возложил исполнение обязанностей президента на нового председателя парламента Александра Турчинова. (Wallius, Hanhivaara 2014: www.)

В конце февраля 2014 года парламент Украины одобрил формирование нового правительства в стране. В тот же день вооруженная группа людей захватила здание Крымского парламента в Симферополе. (Wallius, Hanhivaara 2014: www.) На следующей день вооруженные войска окружили два аэропорта в Крыму (Kokkonen, Töyrylä 2014: www). В начале марта парламента России одобрил призыв Владимира Путина применить вооруженные силы, находящиеся на территории Украины. (Wallius, Hanhivaara 2014: www.) Позднее Владимир Путин признал, что в Крыму действовали российские войска (Tariola 2014: www.) В Крыму также начались массовые акции протестов против новых властей и действий парламента в Киеве (Manninen 2014: www). Большинство протестующих было за присоединение Крыма к России и поддерживало действия российских вооруженных сил в Крыму. Однако были и протесты против России. (Hevonoja, Rajula, Töyrylä 2014: www.) 16 марта в Крыму провели референдум, где 96,6 процентов населения проголосовали за присоединение Крыма к России (Töyrylä 2014: www). На следующей неделе российский парламента принял закон о присоединении Крыма к России (Wallius 2014: www). Конфликт, однако, распространился в восточные части Украины. В шести городах на юго-востоке Украины были также захвачены административные здания, на что исполняющий обязанности президента Турчинов объявил, что 13 апреля 2014 года украинский Национальный Совет безопасности и обороны решил начать полномасштабную операцию против терроризма, в которой будут участвовать украинские вооруженные силы. (Kokkonen 2014b: www.)

Программа «Прямая линия с Владимиром Путиным» вышла после объявления этой операции, но до начала вооруженного сражения. В нашей работе мы будем исследовать, как события, описанные выше, представляются в этой программе и в каких языковых формах происходит их дискурсивная презентация.

3.2. «Прямая линия с Владимиром Путиным» (эфир 2014 года)

В качестве материала исследования мы использовали программу «Прямая линия с Владимиром Путиным» 2014 года. Программа вышла 17 апреля. Смотреть прямой эфир программы можно было на «Первом канале», а также в эфире телеканалов «Россия 1», «Россия 24», в эфире «Общественного телевидения России», в Интернете. Для людей с нарушениями слуха был организован сурдоперевод. Радиослушатели могли слушать программу в эфире радиостанций: «Маяк», «Вести FM» и «Радио России». (Стенограмма, www) Материалом нашего анализа служили видеозапись программы, доступная на сайте: <http://2014.moskva-putinu.ru/#page/air> и стенограмма программы, доступная по адресу: <http://2014.moskva-putinu.ru/#page/question>. Так как стенограмма не совсем соответствовала первоначальному разговору на видео, мы сделали в ней определенные изменения, чтобы более четко передать логику самого разговора. Эти изменения включают: 1) изменения в порядке слов, принятого в письменной коммуникации, на первоначальный, более характерный для устной речи и данный в видеозаписи, и 2) добавление пропущенных слов и частей предложений.

«Прямая линия с Владимиром Путиным» является программой, где люди, собравшиеся (или приглашенные) перед заранее установленными телевизионными камерами в разных регионах России, могут задавать вопросы Владимиру Путину, и он отвечает на них в прямом эфире. Вопросы также можно отправить за несколько дней до «Прямой линии» по Интернету по адресам: www.moskva-putinu.ru и moskva-putinu.rf, позвонить по бесплатному номеру или отправить СМС-сообщение. В 2014 году можно было впервые также отправить видеовопрос. Для жителей Республики Крым и города Севастополя работал специальный бесплатный московский номер. Позвонить можно было также из-за рубежа, номер телефона был виден на экранах во время прямого эфира. За восемь суток работы до эфира поступило более 2 миллиона вопросов. Центр обработки сообщений работал неделю до эфира и в течение всего эфира продолжал принимать звонки. Операторы продолжали принимать обращения в течение всего эфира и по Интернету. (Стенограмма, www.) В 2014 году вопросы, обсуждаемые в программе, касались во многом ситуации с Украиной и Крымом. Разговор шел также по таким

темам, как здравоохранение, армия, налоги, сельское хозяйство и так далее. В нашей работе мы сосредоточимся только на тех вопросах, которые касались Украины и Крыма. Таким образом в материал нашей работы входит приблизительно половина из всех вопросов, заданных в программе.

Программа транслировалась из студии в Москве. В студии Владимир Путин сидел за столом на сцене. С ним на сцене находились два журналиста, которые иногда также задавали вопросы. Вокруг сцены сидели гости программы. Среди гостей ходили четыре журналиста с микрофонами, предлагая их гостям, когда те задавали вопросы. В программе также были организованы телемосты с разными частями России, где на площадках стояли люди и журналист. Журналист давал короткое вступление о ситуации и людях, находившихся на месте и затем ходил среди людей с микрофоном, чтобы те могли задать свои вопросы. Также была связь с центром обработки вопросов, и в прямом эфире задавали вопросы по телефону. Видеовопросы показывали на большом экране позади сцены.

3.3. Жанр программы

«Прямая линия с Владимиром Путиным» – телевизионный жанр, появившийся на российском телевидении в 2001 году. Когда В. Путин являлся председателем совета министров (премьер-министром) эта программа носила название «Разговор с Владимиром Путиным». Аналоги таких программ (беседа с известным политиком) существуют на телевидении многих стран, однако многочасовой прямой эфир – форматное новшество российского телевидения. Эта программа является синтезом нескольких массмедийных (в частности телевизионных) форматов.

Жанр в современной теории тележурналистики определяют как «исторически определившийся тип изображения реальной действительности, обладающий рядом относительно устойчивых признаков» (Кузьмина 2013: 220). Система жанров телевидения наименее стандартизована по сравнению с другими видами СМИ. Для телевидения в программах характерна диффузия жанров. Система жанров на телевидении очень динамична, в отличие от книжно-печатных форм коммуникации, поэтому наблюдается отмирание старых и появление новых форм, что во многом связано с быстрым и постоянным техническим развитием. Как результат внутри жанров появляются разновидности, из которых многие не

имеют четкого определения. (Кузьмина 2013: 233.) Здесь мы попытаемся сформулировать специфику жанра программы нашего материала.

Жанр «Прямой линии с Владимиром Путиным» включает в себя элементы ток-шоу, интервью, разговора, репортажа и телемоста. Самый заметный элемент – ток-шоу, так как программа сводит вместе гостя (в нашем случае Владимира Путина) и аудиторию в студии с помощью посредничества ведущих. Илие (2006: 409) выделяет некоторые особенности ток-шоу, которые заметно присутствуют в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным». Ток-шоу нацелены на несколько аудиторий одновременно. Говорящий обращается к непосредственному слушателю (в нашем случае это может быть человек, который задал вопрос), к аудитории в студии и к телезрителям. В ток-шоу участвуют специалисты и простые граждане. Фокус программы меняется между ними. В нашем случае главным специалистом является Владимир Путин, и среди людей, задающих вопросы, присутствуют специалисты (военные, журналисты и так далее) и широкая аудитория. Ведущие программы ведут дискуссию между В. Путиным и другими участниками. Личный опыт людей и здравый смысл получает в программе немалое значение. Как это свойственно многим ток-шоу, «Прямая линия с Владимиром Путиным» также транслируется в прямом эфире.

Заметной дискурсивной стратегией в программе является структура «вопрос-ответ». Как отмечает А. Бирд (Beard 2000: 98), вопросы можно определить как высказывания, которые требуют информации и мнения, неизвестные тому, кто спрашивает (исключением являются тесты и контрольные вопросы, где тот, кто спрашивает, знает ответ и хочет узнать, знают ли другие). Это, однако, не полная картина. Вопросы могут также сами содержать предположения и утверждения. Предположение является встроенным в вопрос фактом или мнением, который, по предположению интервьюера, является всем известным и с которым, считает интервьюер, все согласны. Утверждение является заявлением, что что-то является правдой и правильным, когда это не обязательно так. В этих случаях, когда интервьюер ищет дополнительную информацию, он уже принимает что-то как должное. Ответчик, с другой стороны, может не соглашаться с тем, что предполагается или утверждается. Одна из причин, почему политики должны быть осторожными, отвечая на вопросы, та, что они не могут позволить предположениям и утверждениям звучать без возражений, если политики сами не согласны с ними. Но, возражая им, может казаться, что они не отвечают на вопрос. (Beard 2000: 99.)

Хотя мы будем рассматривать только ответы самого В. Путина, тема этих ответов определяется вопросами, заданными В. Путину. В нашем материале вопросы часто требуют информации о том, что происходит. Это дает возможность В. Путину определить, что именно люди хотят узнать о событиях. Вопросы также определяют проблему, на которую требуют решения. В. Путин может согласиться с формулировкой проблемы и предложить решение. Или, если он не согласен с формулировкой проблемы, ему нужно переопределить проблему. Это всё влияет на содержание ответов.

Как отмечает Фетцер (2002: 188), участие людей в телевизионном ток-шоу можно классифицировать по трем уровням. Первый уровень состоит из людей в студии: ведущий, гость и аудитория в студии. В нашем случае в программе также участвуют люди, которые задают В. Путину вопросы, несмотря на то, присутствуют ли они сами в студии или нет. Второй уровень — это телевизионная аудитория, которая смотрит программу дома. Третий уровень — это широкая публика, то есть люди, которые сами может быть не смотрели саму программу, но с которыми аудитория первого и второго уровня обсуждают программу после ее выхода. (Fetzer 2002: 188.) Как видно, участники и аудитория могут быть частью всех трех уровней. Люди могли задавать вопросы прямо в студии или вне студии с помощью техники — первый и второй уровень. Задать вопрос можно было также без участия в самом прямом эфире — третий уровень. Аудитория также присутствовала в самой студии и вне студии, перед телевизорами — первый и второй уровень. Люди, которые сами не смотрели программу, могут стать второстепенной аудиторией при обсуждении программы с аудиторией первого и второго уровня.

Программа «Прямая линия с Владимиром Путиным» предоставляет среду, которая отвечает потребностям как широкой публики, так и политика В. Путина. Публике жанр «интервью» дает возможность обратиться прямо к Путину, привлечь внимание президента к своим проблемам и, возможно, с его помощью решить эти проблемы. В. Путин, в свою очередь, получает возможность использовать тип политической коммуникации: управление информацией. Далее мы обсудим этот тип.

Как пишет МакНэр (2007: 141), «управление информацией» (information management) означает деятельность, предназначенную контролировать или направлять поток информации из институций правительства в общественную сферу. Информация может быть передана свободно при стремлении к демократическому управлению, но информация может также

подвергаться цензуре, быть подавлена или изготовлена в соответствии с конкретными интересами правительства и органов государственной власти. Государственная коммуникация является контролем и управлением информацией с целью скорее охранить и изолировать власть от критики публики, чем уполномочить публику и включить ее в государственный процесс. (McNair, 2007: 141-142.)

Как мы уже писали во Введении, в нашей работе мы будем исходить из того, что в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» объединяются государственная роль и личная роль Путина. Путин, как представитель государства, управляет информацией о государственной деятельности и, как политик, должен заручиться поддержкой аудитории. Эти типы политической коммуникации объединяются в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» с гибридным жанром телевизионной программы. Это отражает то, о чем мы писали во второй главе. Политический дискурс в СМИ является дискурсом, совместно произведённым двумя макроинститутами – политики и СМИ. Это видно и на жанровом уровне. Гибридный жанр программы содержит в себе множество элементов, произведенных обоими институтами. Жанр «интервью» со своей структурой вопрос-ответ позволяет публике обратиться прямо к Путину. Отвечая на вопросы, Путин может, как представитель правительства, управлять информацией, которую публика получает. С помощью современной техники (телефон, СМС, Интернет) можно создать обратную связь с публикой и также контролировать поток вопросов.

Глава 4. Конфликт и мир

В этой главе мы проанализируем наш материал, исходя из выбранных нами двух дискурсов: дискурса войны и дискурса мира и их презентацию в речи Путина. Мы начнем с анализа дискурса войны и продолжим анализом дискурса мира. В выводах мы рассмотрим результаты нашего анализа. Мы обсудим, какие ответы мы нашли на наш исследовательский вопрос.

4.1. Дискурс войны

Как мы отмечали выше в теоретической части нашей работы, по словам Кемпфа (1999) дискурс войны можно рассматривать с помощью пяти особенностей: ключевых вопросов, предложения для идентификации, ориентации на правду, логики для мотивации и репортажа конфликта. Далее мы рассмотрим эти пять элементов в нашем материале.

4.1.1. Ключевые вопросы

Как отмечает Кемпф (1999), ключевыми вопросами в дискурсе войны являются: кто «агрессор» и как его можно остановить. Далее мы рассмотрим, каких «агрессоров» В Путин выдвигает в своей речи о событиях в Украине и Крыму и какие способы их нейтрализации он предлагает.

А) «Агрессоры» в Киеве

«Агрессорами», участвующими в событиях в Украине, в речи В. Путина выдвигаются *люди, совершившие переворот в Украине, новые власти Украины, националисты* и также *посторонние силы*. Началом конфликта в Украине можно считать события, которые привели к перевороту власти. Первым таким событием является отказ Януковича подписывать документ об ассоциации с Евросоюзом.

Мы знаем, что в свое время Президент Янукович отказался подписывать документ об ассоциации с *Евросоюзом*, но он не отказался даже, а сказал, что он на таких условиях не может подписать, потому что это будет резко ухудшать социально-экономическое положение Украины и граждан страны.

В этом событии «агрессором» является Евросоюз, который предлагает договор, ухудшающий социально-экономическое положение Украины. При таких договорах, предположительно, выигрывают обе стороны. В этом случае договор также должен быть выгодным и для Украины, и для Евросоюза. Однако, по словам В. Путина, соблюдение условий этого документа привело бы к последствиям, которые ухудшили бы положение Украины и ее граждан. Эти условия не являются выгодными для Украины. Какие эти условия, В. Путин не уточняет, но, по всей вероятности, они являлись выгодными для Евросоюза, иначе Евросоюз такие условия не предлагал бы. Янукович всё это понимает и отказывается подписывать этот документ. Он говорит, что ему надо поработать над документом с европейцами. Таким образом, Янукович, с точки зрения Путина, останавливает «агрессоров» и защищает социально-экономическое положение своей страны и ее граждан от сомнительных намерений Евросоюза.

Этот инцидент с Евросоюзом привел к другим событиям. В Украине начались «беспорядки». Кто эти беспорядки устроил, В. Путиным не уточняется, то есть «агрессоры» не называются. Чтобы успокоить ситуацию и остановить «агрессоров», президент Украины Янукович подписал соглашение. В. Путин говорит, что это соглашение было подписано с оппозицией. Вместе с оппозицией в соглашении также участвуют три европейских министра:

Гарантами этого соглашения с оппозицией выступили *три министра иностранных дел европейских*: Польши, Франции и Германии.

Три европейских министра готовы гарантировать, что соглашение с оппозицией будет исполняться. Таким образом они выражают свою поддержку оппозиции. Это соглашение, однако, оппозицией не соблюдается. Вместо этого происходит захват зданий администрации и правительства и в конечном итоге переворот власти. Попытка Януковича успокоить ситуацию не удается. Оказывается, что оппозиции нельзя доверять. Так же, как и с Евросоюзом, на европейских министров нельзя надеяться. Соглашение не соблюдается украинской оппозицией даже с их гарантами.

Когда речь идет о беспорядке или захвате административных зданий, В. Путин не говорит, что это всё было организовано именно оппозицией. Участники в этих событиях В. Путиным четко не называются. Когда у В. Путина спросили, почему Янукович не применил силу, чтобы

предотвратить переворот, В. Путин говорит, что причиной от воздержания применения силы для Януковича служит тот факт, что ему пришлось бы применить силу против своих граждан:

Как он мне сказал, рука не поднялась подписать приказ о применении силы *против своих граждан*.

Это, однако, слова Януковича. То есть сам Янукович считал, что против него протестующие люди являются его гражданами. Кто именно эти граждане, Путиным не уточняется. Это можно понять так, что члены оппозиции являются гражданами Украины и Янукович не хочет применять силу против них. Этими гражданами могут также быть простые люди Украины. Это значит, что в протестах участвовали рядовые граждане и Янукович не хотел применять силу против них. Таким образом выходит, что те же граждане, которых интересы Янукович хотел защитить, восстали против него. Сам В. Путин, однако, не репрезентирует ситуацию так, как это делает Янукович. В. Путин не уточняет, кто именно устроил переворот в Украине.

Как именно Украина должна была *остановить* этих «агрессоров», В. Путин не обсуждает. Он говорит только о мерах, которые были предприняты, чтобы остановить их. С Евросоюзом Янукович хотел сделать новый договор. Это, однако, не получилось из-за беспорядков. С оппозицией Янукович смог договориться о соглашении, но это соглашение не соблюдалось. МВД и «Беркут» пытались остановить захватчиков зданий и других протестующих, но им это не удалось.

Примечательно в речи В. Путина о перевороте в Украине то, что «агрессор» называется только при именовании участников в договорах. Это может отчасти быть из-за того, что договоры заключаются с четко определенными участниками. Документ об ассоциации был подготовлен с Евросоюзом. Соглашение было подписано между Януковичем и оппозицией, с гарантами европейских министров. Кто именно участвовал в протестах и захвате зданий, сложнее определить. Этих людей было много, и причины участвовать в этих событиях могли отличаться. Однако, не называя участников в самом перевороте, В. Путину получается уйти от репрезентации переворота как восстания рядовых граждан против власти государства Украины. В своей речи В. Путин репрезентирует переворот спонтанным и глупым действием:

Зачем это [переворот; прим. авт.] было сделано, зачем надо было действовать так *непрофессионально*, так *глупо* и ввергнуть страну в то состояние, в котором она

сегодня находится, не понимаю, и ответа ни у кого нет, никто не может ответить на этот вопрос.

Репрезентируя переворот таким образом, В. Путину не надо обсуждать те сложные социальные, экономические и политические проблемы Украинского государства, которые вызвали протесты и, в конечном итоге, сам переворот. Здесь можно увидеть употребление эвфемизмов. Называя события в Украине «беспорядком», а не «протестом» (как правило, экономическим, политическим или социальным), можно уйти от репрезентации событий в Украине как протестов простых граждан против Януковича. Слово «беспорядки» дает очень абстрактную картину происходящего, что делает слушателям и зрителям сложным понять, что именно произошло и кто в этих событиях участвовал. Мы нашли употребление эвфемизмов именно в этом вопросе особенно интересным. В других случаях В. Путин четко называет «агрессоров», здесь он, однако, всячески уходит от этого. Также ход самих событий остается непонятным. Мы думаем, причиной этому служит то, что В. Путин не хочет давать точного описания самого переворота. Если люди в России научатся на примере Украины, как именно устроить переворот, люди, может быть, попытаются устроить переворот и в России. Это является угрозой для В. Путина.

Б) «Агрессоры» на юго-востоке Украины

Выше мы рассмотрели в речи В. Путина участников в перевороте в Украине, в Киеве. Далее мы рассмотрим участников в конфликте на юго-востоке Украины, который возник после переворота. «Агрессорами» в этом конфликте являются *новые власти Украины* и их *назначенцы, националисты и посторонние силы*.

Наиболее значимыми «агрессорами» в речи В. Путина в конфликте на юго-востоке Украины являются *новые киевские властители*. Путин мотивирует это так: причина конфликта в том, что люди не доверяют этим властителям, так как они не соблюдают законные процедуры. Они получили свою власть нелегитимными способами (через переворот) и продолжают властвовать, не соблюдая закон. Это видно в том, как новые власти выбрали новых губернаторов:

[---] на места губернаторов, руководителей регионов из Киева прислали своих *назначенцев*.

Вместо того, чтобы устроить выборы новых губернаторов, новые власти в Киеве просто назначили своих людей на эти должности. Это против законов Украинского государства. Губернаторы должны выбираться с помощью выборов. В. Путин также ставит под вопрос легитимность новых выборов президента:

Какие же это легитимные выборы, если кандидатов с востока постоянно избивают, обливают какими-то чернилами и так далее, не допускают для встреч с избирателями? [---] По конституции Украины, если ее не поменять, если не поменять конституцию, новые выборы, при наличии действующего, юридически действующего президента Януковича, проводить просто невозможно.

В. Путин выдвигает две причины незаконности новых выборов. Во-первых, избирательная кампания не соответствует нужным стандартам. Всех кандидатов, независимо от их политической позиции, нужно уважать, и всем кандидатам нужно дать возможность свободно проводить свою кампанию. Новые власти в Киеве не дают такой возможности кандидатам с востока. Во-вторых, сами выборы противоречат конституции страны. Так как в Украине уже есть действующий президент, нет нужды проводить новые выборы.

Кроме нелегитимных действий, новые власти также решили применить силу против простых граждан. Они начали военные действия на юго-востоке Украины. Такое поведение, по словам В. Путина, вызвало у народа недоверие к новым властям. Люди стали беспокоиться за свое будущее и стали выдвигать своих лидеров. Этих лидеров новые власти Украины посадили в тюрьму. В. Путин не предлагает, как этих «агрессоров» (новые власти Украины) остановить, но он предлагает, как новая власть должна вести себя в будущем:

Надо выпустить всех из тюрем, помочь людям организовать, выдвинуть дополнительных лидеров и начать диалог.

В. Путин также предлагает изменить конституцию Украины, чтобы выборы были легитимными. Он отмечает, что Россия не может признать легитимность выборов, если все будет происходить так же и в будущем, но Россия готова договариваться с властью в Киеве.

Также «агрессорами» в конфликте являются люди, которые хотят отменить некоторые права национальных меньшинств:

И на востоке, и на юго-востоке Украины люди беспокоились за свое будущее, за будущее своих детей, имея в виду, что они наблюдали и всплеск национализма, и угрозы в свой адрес, и желание отменить некоторые права национальных меньшинств, в том числе русского меньшинства.

В. Путин отмечает, что русскоязычному меньшинству на юго-востоке Украины угрожают также вооруженные *националисты*. Конфликт между националистами и русскоязычным населением рождается от того, что историческое прошлое западных частей Украины отличается от исторического прошлого восточных частей Украины. Западные части Украины принадлежали разным европейским странам, когда восточные части Украины принадлежали России. Люди, которые жили в западных частях Украины, не были «полноценными гражданами» своих стран. Это неравноправное отношение к людям рождает конфликт в настоящем. Так как ситуация на востоке отличалась от запада, на востоке живут люди «с другим менталитетом». Поэтому людям сложно наладить отношения друг с другом.

Чтобы остановить этих «агрессоров», надо разоружить националистов и дать гарантии для русскоязычных, чтобы они были равноправными гражданами своей страны. Россия и другие страны должны помочь этим людям защитить свои права и самостоятельно определить свою судьбу. Конфликт на юго-востоке нельзя остановить тем, чтобы разоружить простых людей. Надо найти компромиссы и обеспечить законные интересы людей.

При разговоре о том, как остановить «агрессоров» и найти решение конфликта на юго-востоке Украины, В. Путин отмечает, что компромисс должен быть найден «между различными политическими силами внутри самой Украины». Решение конфликта не должно происходить между США и Россией или другими посторонними силами. «Посторонние» могут только помогать самим украинцам найти решение.

У конфликта есть также более широкое измерение. В нем участвуют *посторонние силы*:

Желание поссорить Россию и Украину, разделить, растащить единый, по сути, народ является предметом международной политики уже на протяжении столетий – столетий просто.

«Агрессором» в этом случае являются силы, которые хотят поссорить Россию с Украиной. Цель этого – сделать Россию слабой. В связи с конфликтом на юго-востоке Украины это растаскивание видно в том, что о России распространяют лживые утверждения, что Россия

участвует в конфликте. Это, по словам В. Путина, неправда. Всё, что происходит на юго-востоке Украины, устроено местными гражданами. Чтобы остановить этих посторонних «агрессоров», Россия и Украина должны быть вместе.

В) «Агрессоры», участвующие в событиях в Крыму

В речи В. Путина, «агрессорами», участвующими в событиях в Крыму, являются *националисты, государство Украины, украинские бизнесмены, НАТО*. По словам В. Путина, присоединение Крыма также имеет дело с угрозами против русскоязычного населения:

Угрозы в отношении русскоязычного населения были абсолютно конкретными и осязаемыми.

Как и на юго-востоке Украины, так и в Крыму народ забеспокоился из-за угроз в отношении «русскоязычного населения». Когда на юго-востоке Украины люди стали вооружаться, чтобы остановить «агрессоров», в Крыму люди обратились к России за помощью. Россия решила ответить на эту просьбу и помочь крымчанам защитить себя и дать им возможность для свободного волеизъявления. Здесь В. Путин подчеркивает, что это были именно крымчане, которые обратились к России. Помощь Крыму не было идеей России.

Кроме националистов, в Крыму также были танки, боевые подразделения, военнослужащие и оружие, что угрожало крымчанам. Россия остановила этих «агрессоров» тем, что она стала «за спиной крымских служб самообороны».

«Агрессором» в событиях в Крыму также является *государство Украины*. Украинские руководители искусственно сделали Крым дотационной территорией и Крыму дали прийти в экономический упадок:

К сожалению, материально-техническая база предприятий отдыха, санаториев, курортов пришла в упадок.

Россия поможет крымчанам остановить этих «агрессоров», но сама не будет «агрессором». В составе России Крым не будет испытывать таких проблем. Россия будет наращивать потенциал и развивать экономику Крыма.

Еще одним «агрессором» в речи В. Путина выступают *украинцы*, которые не идут навстречу России, чтобы решить в Крыму из-за присоединения к России возникшие проблемы:

Мы будем пытаться договариваться с украинскими партнёрами. Пока это не получается.

Эти проблемы касаются, например, банковской сферы. После присоединения Крыма к России украинские банки ушли из Крыма. Это привело к разным банковским проблемам, например, в доступности денег населению и сокращении долгов. Чтобы остановить этих «агрессоров», Крым должен переходить на рублевый оборот и создать с Россией новую банковскую сеть. Россия будет компенсировать крымчанам потерянные деньги.

Украинские олигархи также являются «агрессорами» в Крыму. Они построили в Крыму свои дворцы и освоили территорию, нарушая экологическое законодательство. Россия остановит этих «агрессоров», не позволяя им осваивать территорию.

НАТО является «агрессором» в речи В. Путина о событиях в Крыму с той оговоркой, что НАТО – «агрессор» против самой России. НАТО хочет поставить ударные средства в Крыму и таким образом угрожает России. Решение России по Крыму было отчасти связано с этим. Присоединение Крыма к России – способ остановить НАТО и защитить интересы России. При разговоре о НАТО В. Путин отмечает, что Россия никого не боится.

Но «агрессоры» есть не только на Украине, но и внутри России, пусть и немногочисленные. Этими «агрессорами» являются *люди, которые против присоединения Крыма к России* и которые желают поражения России в этом вопросе. В. Путин отмечает, что таких людей мало, поэтому на них внимания не надо обращать. Их мнение можно ставить под вопрос; бояться того, что это приведет к расколу в народе, не надо.

Примечательно в речи В. Путина о событиях в Крыму (по сравнению с конфликтом в Украине) то, что в речи о событиях в Крыму именно Россия часто предлагается как решение остановить «агрессоров». В то время как в конфликте на юго-востоке Украины люди должны сами искать решения, идти на компромиссы и вести диалог, в Крыму именно Россия объявляется спасением: это и служит политическим оправданием присоединения Крыма к России.

4.1.2. Предложение для идентификации

В этой части мы рассмотрим аспект: с кем и как слушатели, по мнению Путина, должны идентифицировать себя. Как отмечает Кемпф (1999), в дискурсе войны это часто происходит с помощью идентификации «нас» и «их». «Мы» представляются хорошими. «Они» представляются «плохими», даже врагами. Рассматривая, кто «хороший», кто «плохой», мы можем определить, на чьей стороне, в представлении В. Путина, слушателям следует быть. В нашем материале этот вопрос особенно интересен, так как Россия, по словам В. Путина, сама не участвует в конфликте на юго-востоке Украины. Ясно, что в дискурсе войны «плохие» – это «агрессоры»; их дискурсивное наполнение мы рассмотрели выше, в этой части наше внимание будет сосредоточено на лингводискурсивной идентификации «нас» («хороших»).

А) «Хорошие» участники конфликта в Украине

Хорошими в конфликте в Украине выдвигаются В. Путиным *президент Украины Янукович, «Беркут», граждане юго-востока, русскоязычное меньшинство* и сама *Россия*. «Плохими» выдвигаются нами выше выделенные «агрессоры»: *Евросоюз и европейцы, оппозиция, люди, совершившие переворот, новое государство Украины, националисты и посторонние силы*.

Янукович – «хороший» президент. Он следит за благополучием своей страны и своих граждан. Он в речи В. Путина репрезентируется невиновным в развитии событий. Янукович хотел защитить Украину от сомнительного договора с Евросоюзом, он шел навстречу оппозиции в договоре, он хотел защитить своих граждан от применения силы против них, когда начались беспорядки. В. Путин признает, что не все решения Януковича самые лучшие, но он искренно хотел хорошего для своего народа. В речи В. Путина не ставится под вопрос отношение Януковича к народу. Путин не упоминает, что Янукович все-таки теряет власть уже второй раз. Первый раз Януковича потерял власть уже в 2004 году. Так как он теряет теперь, в 2014 году, власть уже второй раз, можно поставить под вопрос, есть ли между народом и Януковичем доверие и является ли это благом для страны – оставлять президента, который не может удержать свою власть.

Репрезентируя Януковича как «хорошего» правителя, который хочет только благополучия своей стране, В. Путин конструирует общую картину «хорошего» правителя страны. Такая дискурсивная репрезентация «хорошего» правителя соседней страны нацелена на построение

и дискурсивного образа президента России. Осуждая противников Януковича как «хорошего» президента, заботящегося о народе, В. Путин тем самым посылает мессидж гражданам своей страны: протестовать против действующего президента Украины – это предостережение и назидательный совет не только украинцам, но также и россиянам. Через построение дискурсивной картины отрешения украинского президента от власти Путин пытается внушить слушателям и свои внутривластные цели российской власти: вызвать недоверие к российской оппозиции, иностранным силам, пытающимся влиять на сознание россиян и возможность создания беспорядков, массовых несанкционированных выступлений. Таким образом, украинский мессидж становится мессиджем для внутреннего потребления.

В. Путин дифференцирует украинских политиков: захватчики власти Путным однозначно осуждаются, другие же украинские политики, пусть и оппозиционные, но действующие в рамках конституционного поля, все-таки получают оправдание; таким примером может служить фигура Тимошенко. Когда ведущие упомянули, что Тимошенко направляла людей против русских, В. Путин заступился за нее:

Она, хоть и призывает там «расстреливать русских из атомного оружия», я думаю, что это сделано, скорее всего, на основании какого-то, в ходе какого-то эмоционального срыва.

Он отметил, что у него были с Тимошенко «добрые деловые отношения». Если она что-то плохое и делает, она на самом деле не имеет этого ввиду. Здесь видно, что отнесение к «хорошим» или «плохим» влияет на то, как В. Путин оценивает действия разных людей и групп людей.

«Хорошими» в речи В. Путина также выдвигаются бойцы «Беркута» как защитники конституционного строя:

Что касается «Беркута», то, безусловно, Вы и Ваши товарищи честно, очень профессионально и достойно исполняли свой служебный долг.

По словам В. Путина, «Беркут» защищал государство Украины. Он делал это героически. Действия «Беркута» не ставятся под вопрос. Все, что они делают, «хорошо». Даже применение силы для сохранения конституции и существующей власти (в данном случае власти Януковича) в этом случае не осуждается В. Путиным. Когда Янукович защищал народ,

воздерживаясь от применения силы, бойцы «Беркута» защищают народ, исполняя свой воинский долг, который включает в себя возможное применение силы. Таким образом В. Путин дает понять, что применение силы может служить и для защиты народа, не только для разжигания конфликта. То есть применение силы является способом достичь определенной цели, от нее зависит, является ли применение силы осуждаемым действием или нет.

Граждане на юго-востоке Украины являются мирными гражданами, которые стали беспокоиться за свое будущее. Они не доверяют новым властям в Киеве, вследствие чего они стали выдвигать из своей среды лидеров. По словам В. Путина, эти лидеры должны признаваться и новой властью в Киеве. Часть этих граждан также являются русскоязычными. Это укрепляет мысль, что россияне должны идентифицировать себя с протестующими людьми на юго-востоке Украины. Четкого различия между русскоязычными гражданами и остальными В. Путин не делает. Политический конфликт в речи В. Путина часто репрезентируется как конфликт между нациями и народами, между людьми пророссийски и прозападно настроенными. По словам В. Путина, территории юго-востока Украины, то есть «Харьков, Луганск, Донецк, Херсон, Николаев, Одесса, не входили в состав Украины в царские времена». В. Путин, очевидно, намеренно перечисляет названия городов, тем самым актуализируя и визуализируя в сознании слушателей конкретный регион и употребляет старое название этой территории, идущее, по его словам, с «царских времен», – «Новороссия»:

Я тоже сейчас об этом говорил, о *Новороссии*, которая безусловно, корнями связана с Российским государством, и это люди с немножко другим менталитетом. Оказавшись в составе вот этой сегодняшней Украины, собранной по частям в советское время, конечно, людям достаточно сложно наладить отношения друг с другом и понимать друг друга.

По логике Путина, выходит, что жители юго-востока Украины именно русские, люди, кровно связанные с Россией. Здесь интересно то, что прошлое юго-востока В. Путин связывает с Россией. Название «Новороссия» также указывает на Россию. Таким образом конфликт в этих юго-восточных частях Украины становится конфликтом между русскими, то есть «нами», и оппонентами русских, «ими». В этих частях Украины русские «хозяева земли». У русских есть право быть равноправными гражданами Украины и говорить на своем родном языке. Это право надо обеспечить законом. После переворота конституция, которая эти права защищала, потеряла свою значимость. Ее не соблюдают. Русские требуют гарантии того, что их права

будут защищаться. Русские этой новой власти не доверяют. Они думают, что властители в Киеве могут нарушить свои обещания.

Россия в речи В. Путина репрезентируется «хорошей». Она хочет помочь украинцам решить свои проблемы и готова с другими странами думать о том, как решать конфликт. Россия также готова сопровождать процесс решения конфликта в Украине. С Украиной и другими странами Россия готова сотрудничать и быть вместе. Конечно, Россия также будет заботиться об интересах русскоязычных граждан и на международной арене. Россия готова сотрудничать с новыми властями Украины, даже если и не считает их легитимными. Россия сама не участвует в конфликте и вооруженных подразделений на границе с Украиной не имеет. Преданность Родин, любовь к родным местам, патриотизм – одно из важных понятий в речи Путина. В. Путин отмечает, что в КГБ СССР, внешней разведке, где он начал свою карьеру, воспитывали быть преданными народу и государству.

«Плохих» мы здесь детально не рассматривали, так как мы сделали это уже выше, когда обсуждали «агрессоров». Однако, мы хотим отметить, что некоторые «плохие» являются здесь менее «плохими», чем другие. С Евросоюзом можно договариваться. Хотя она предложила Украине сомнительный документ, Янукович считает возможным пересмотреть этот документ и найти решение, которое удовлетворяет обеих сторон. Новые власти в Украине также являются людьми, с которыми можно и нужно искать компромиссы. Хотя они проводят новые выборы в неприемлемых формах, избивают кандидатов с юго-востока и направили на гражданское население танки, с ними все-таки следует думать о налаживании диалога и применении демократических выборных процедур.

Вооруженные националисты, в свою очередь, не являются людьми, с которыми можно было бы договариваться. Их мотивация, по Путину, отчасти понятна. Они «были людьми второго сорта» в своих странах. Диалог с ними, однако, вести В. Путиным не предлагает. Он только отмечает, что людям сложно наладить отношения друг с другом и им надо в этом помочь. Как именно, В. Путин не уточняет. НАТО также является угрозой, которую просто надо остановить. Договариваться с ними В. Путиным не предлагает.

Б) «Хорошие» участники событий в Крыму

В речи В. Путина о событиях в Крыму «хорошими» являются граждане Крыма и Россия. У крымчан возникли проблемы после переворота в Украине, и они решили обратиться к России за помощью. Крымчане репрезентируются В. Путиным людьми, нуждающимися в защите и помощи. Хотя у них есть силы самообороны, они сами не могут защитить себя от применения силы и обеспечить себе условия для волеизъявления. Задачей России была защитить крымчан. Россия сделала это с помощью своих военнослужащих, которые стояли за спиной сил самообороны Крыма. У крымчан есть право на свободное волеизъявление. Они должны быть способны сами решать свою судьбу. Россия им в этом помогает. В Крыму российские военнослужащие действовали «корректно, мужественно, решительно и профессионально». Они помогали силам самообороны Крыма.

«Хорошая» Россия будет помогать Крыму и после присоединения Крыма к России. Россия будет экономику Крыма и наращивать его потенциал. Проблемы, существующие в Крыму, Россия решит быстро и эффективно. Россия будет вести дела в Крыму намного лучше, чем Украина.

В своей речи В. Путин также отмечает, что у России и Крыма есть общее историческое прошлое. Крым входил в состав России и имел и имеет для России геополитическое и стратегическое значение. Многие россияне пожертвовали своей жизнью ради Крыма. В. Путин также напоминает, что Севастополь – «город русской военно-морской славы».

В качестве промежуточного вывода мы хотим обратить внимание на то, что в дискурсе войны о событиях в Крыму «плохие» («агрессоры») отличаются от «плохих» в конфликте на юго-востоке Украины. Семантический раздел проходит в дискурсивном поле «прорусский (пророссийский)» – «прозападный (антироссийский)». Именно в смысловой рамке, явно отмеченной знаками «плюс» (пророссийский) и «минус» (прозападный), помещение участников политических событий в Украине позволяет Путину маркировать их и давать им дискурсивные характеристики. Таким образом, конфликт войны предстает в речи Путина как ранжированная система: от знака «минус» (например, «плохие» участники событий в Крыму или националисты) через промежуточную, срединную зону «нейтральности» (Ю. Тимошенко; украинский народ; участники конфликта на юго-востоке Украины) до знака «плюс» (сторонники свергнутого «пророссийского» президента Януковича). «Украинский народ» у

Путина – некая монолитная масса, которую запутали и запугали; он не имеет (в интерпретации Путина) самостоятельного и независимого мнения, является скорее ведомым, нежели ведущим.

Использование идеи исторического прошлого дает Путину право ссылаться на отношения народов как «старшего» и «младшего». Доминирование идеи российского/русского «старшего брата» проявляется в речи Путина в признании того, что украинцы должны понимать русских, напротив – русским (россиянам) не надо понимать интересы украинцев. Подлинными же выразителями интересов «украинского народа», по логике Путина, являются именно жители юго-востока Украины, настроенного преимущественно пророссийски. Рассуждая в таком ключе, Путин тем самым реставрирует (пост)-имперские идеи и защищает право России вмешиваться в дела сопредельного государства, мотивируя такое вмешательство историческими, языковыми, культурными, ментальными причинами.

4.1.3. Ориентация на правду

Далее мы будем рассматривать аспект ориентации на правду в дискурсе войны. Правда в военных конфликтах, как правило, репрезентируется односторонне. Признаков односторонней репрезентации, по словам Кемпфа (1999), множество. Односторонняя репрезентация происходит, когда в дискурсе обращают внимание на «наш» героизм, но действия второй стороны осуждаются, и когда конфликт описывается как неизбежный антагонизм. Одностороннюю репрезентацию можно также найти в том, как описываются корни антагонизма и насколько в дискурсе акцентируется внимание к «нашим» победам. Противопоставление «наших» ценностей с отсутствием ценностей или осуждением ценностей врага также является признаком односторонней репрезентации ситуации. Далее мы рассмотрим эти признаки в нашем материале.

А) «Наш» героизм и «их» неправильное действие

В речи В. Путина героически в событиях в Украине вели себя «хорошие» (пророссийски или по крайней мере нейтрально, невраждебно к России настроенные). Однако этот героизм остался отчасти в недалеком прошлом. Янукович, который защищал своих граждан, уже не у власти, Тимошенко в оппозиции. Героическое поведение «Беркута» также в прошлом. В

будущем Украинское государство вряд ли сможет получить от них помощь, так как к ним относились плохо. Только героическое действие местных граждан юго-востока Украины еще в настоящем.

В свою очередь, неправильное действие «плохих» (националистов, враждебно относящихся к России) происходит во многом настоящем. Новые власти в Киеве не хотят обращать внимания на беспокойства граждан на юго-востоке Украины. Они посадили лидеров, выбранных самими гражданами, в тюрьму и поставили на места губернаторов своих назначенцев. Они также хотят направить на мирных граждан танки и оружие. Вооруженные националисты также являются угрозой в настоящем вместе с «посторонними силами», которые хотят разрыва между Россией и Украиной. В прошлом остались действия Евросоюза и оппозиции. Однако это условно, так как Евросоюз может быть одной из «посторонних сил» и новые власти могут быть оппозицией.

Героически в событиях в Крыму вела себя во многом только Россия. Хотя крымчане «хорошие», их действия не репрезентируются как героические. Они скорее всего жертвы, люди, нуждающиеся в помощи.

В событиях в Крыму неправильное действие «агрессоров» было в недалеком в прошлом. Например, Украина позволила сельскому хозяйству прийти в упадок. Также материально-техническая база ослабла. Олигархи осваивали территорию только ради прибыли и нарушали экологическое законодательство. В настоящем, когда Россия пытается договариваться с украинскими партнерами, чтобы решить проблемы крымчан, украинцы (имеется в виду киевский режим) не идут навстречу. По Путину, в таком случае Россия может решить проблемы Крыма и без помощи украинских партнеров.

Б) Конфликт как неизбежный антагонизм

В дискурсе войны о событиях в Украине часть антагонизма является преодолемым, часть неизбежным. С Евросоюзом можно пытаться найти новое решение проблемы. С новыми властями в Киеве можно и нужно пытаться наладить диалог. Решение конфликта можно и нужно искать между политическими силами внутри Украины. Однако с националистами нельзя договариваться. Их надо просто разоружить. Кроме этого нужно также искать решения, чтобы люди могли жить вместе. В. Путин дает понять, что по крайней мере некоторые проблемы можно решить и без насилия.

В дискурсе войны о событиях в Крыму антагонизм рисуется Путиным часто как неизбежный. Его, по мнению Путина, нельзя решить старыми, идущими из Киева, методами. Для этого Путин использует экономическую аргументацию. Украина сделала Крым дотационной территорией и брала оттуда больше, чем давала. Таким образом, присоединение Крыма к России предлагается часто единственным выходом для решения проблем в Крыму. Путин ранжирует участников конфликта с целью создать новый возможный дискурсивный сценарий. В речи Путина аспект правды в дискурсе конфликта приобретает экономическое обоснование. Правдой в таком случае становится сравнение экономических показателей старой (украинской) и новой (российской) власти; вторая, разумеется, в речи Путина объявляется как более эффективная, нацеленная на модернизацию. Такой риторический ход (экономический аргумент) призван убедить граждан как Крыма, так и России в полезности и даже неизбежности присоединения территории к России: разве разумный человек будет сопротивляться против своей выгоды и обещания лучшей жизни?

В) Корни антагонизма и «наши» победы

В речи В. Путина корни антагонизма в дискурсе войны о событиях в Украине заключаются в сложном прошлом Украины. Эта страна, по словам В. Путина, была собрана по частям:

Оказавшись в составе вот этой сегодняшней Украины, собранной по частям в советское время, конечно, людям достаточно сложно наладить отношения друг с другом и трудно понимать друг друга.

По словам В. Путина, разные территории Украины в прошлом принадлежали разным странам. Люди из-за этого имеют разный менталитет, и им сложно понять друг друга. Корни национализма лежат в этом прошлом. Люди, проживающие на территории сегодняшней Украины, были «неполноценными гражданами своих стран» при предыдущих властях. Это «неправильное» отношение к ним в прошлом видно сегодня как национализм. Следовательно, Путин в качестве дискурсивного аргумента проблем Украины выдвигает историко-этнический фактор, ссылаясь на абстрактный критерий «сложности истории». Но у какой страны нет «сложной» истории? Прошлое у Путина выступает как обоснование сегодняшней политики. Украина предстает у Путина как «осколочное», не гомогенное, не монолитное государство, состоящее из разных «частей», которые легко отчленишь от страны. Такая мотивировка

является по сути неоимпериалистической (New Imperialism), оправдывающей вмешательство одной страны в дела другой.

Что касается антагонизма между Россией и Украиной, аргументация Путина такова: корни антагонизма между Россией и Украиной в том, что «внешние силы» хотят их поссорить:

Желание поссорить Россию и Украину, разделить, растащить единый, по сути, народ, оно уже является предметом международной политики на протяжении столетий – столетий просто.

В международной политике есть силы, которые побаиваются Россию и хотят ее раздробить. Таким образом им легче контролировать, что в России происходит. Россияне и украинцы все-таки единый народ и должны держаться вместе, чтобы быть успешным. Дискурс-анализ слов В. Путина обнажает их внутренний смысл: Россия ищет причины российско-украинского конфликта извне, назначая в качестве образа «врага» западные (в первую очередь) страны и снимая ответственность со своей внешней политики во взаимоотношениях с Украиной. Конструируемый и нагнетаемый образ «врага» – частая вещь в политических высказываниях и характерна для дискурса войны.

По интерпретации В. Путина, корни сегодняшнего ухудшающегося (по Путину) состояния Крыма в составе Украины также лежат в прошлом:

Вот эти территории, я только что об этом сказал, были переданы в состав Украины в середине 20-х годов, и потом вплоть до 1954 года, когда Крым уже отдали зачем-то в Украину.

Путин подстраивается под слушателя-обывателя, используя в речи неопределенное наречие *зачем-то*, семантика которого должна усилить мотив необоснованности и случайности передачи Крыма Украине. До этого Крым принадлежал России. Таким образом, аргументирует Путин, вполне разумно, что крымчане хотят быть в составе России. Также Крым для самих россиян важен. Там находится Севастополь – «город русской военно-морской славы». Крым также славился в прошлом как здравница. И вновь Путин использует апелляцию к историческому прошлому как аргумент неоимпериалистической российской политики на постсоветских территориях.

Крым является для России территорией русской воинской победы. В. Путин отмечает, что за Крым в прошлом было «отдано много косточек русских». Также возвращение Крыма в состав России называется В. Путиным победой. Эксплуатация военной тематики (множество погибших русских в разные времена и военная победа над врагом) в риторических целях – характерный прием риторической аргументации в политических выступлениях для оправдания тех или иных агрессивных действий в отношении других государств. Как правило, военные и мирные жертвы предстают в речи политиков достаточным обоснованием для вторжения во внутренние дела чужой страны. Риторика победы в публичных выступлениях российских политиков – дискурсивный способ конструировать образ русского народа-победителя, что не может быть подвергнуто сомнению, что имеет непреходящую ценность. Победа (особенно в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.) в прошлом должна перекликаться с победами в настоящем: кровавая победа над гитлеровцами в Крыму во время последней войны – залог и обоснование мирной, бескровной «победы» в Крыму в 2014 году. И в том, и в другом случае для победы нужен «враг»; в прошлом это фашистская Германия, в настоящем – националистическая Украина.

Г) «Наши» ценности

Ценности, которые выдвигаются В. Путиным в дискурсе войны о событиях в Украине, следующие: *уважение закона и прав меньшинств, преданность своей стране*. Разумеется, политической риторике часто происходит «расщепление» и «присвоение» ценностей той или иной политической, идеологической группой, партией и внедрения в ту или иную «ценность» своего, декларируемого, содержания. Путин использует в своей речи указанные ценности совсем неслучайно. Буквальный смысл его слов сводится к тому, что проблемы на юго-востоке Украины во многом возникают из-за того, что эти ценности не уважаются украинцами. Национальные меньшинства, сохранение и поддержание их языка и культуры – частый дискурсивный фактор в политической коммуникации. Однако в кризисные моменты именно эти аспекты становятся одними из ведущих в обвинении конфликтующих сторон и оправданием вмешательства. Совершенно очевидно, что права меньшинств должны уважаться. Людям должны дать гарантии, что именно так и будет. Акцентуация прав русскоязычных в Украине в речи Путина – дискурсивный ход, который дает понять, что на юго-востоке происходит нарушение основополагающих прав человека и тут допустимо вмешательство другой страны. Примечательно, что Путин не говорит о правах других национальностей, но только русскоязычных. Тем самым Путиным разыгрывается

лингвоэтническая карта: русскоязычные должны быть равноправными гражданами Украины. Неуважение прав меньшинств приводит к антагонизму. Это видно и в прошлом Украины: украинцы, права которых ранее не уважали, теперь обратились к национализму. И в настоящем: неуважение прав русскоязычного меньшинства приводит к конфликту на юго-востоке Украине.

Использование категории «ценности» в политическом дискурсе в угоду своим политическим целям и задачам хорошо обнаруживается в речи Путина. В дискурсе о конфликте на юго-востоке Украины В. Путин говорил о том, как в Украине хозяйственно-территориальные, этнические, языковые ценности не уважаются и какие проблемы из этого возникают. В дискурсе о событиях в Крыму В. Путин демонстрирует, напротив, как Россия уважает эти ценности. Россия уважает закон, и поэтому присоединение к России происходит через легитимный процесс: референдум. Применение таких «сильных» политических терминов в речи политика часто призвано легитимизировать и конституировать то или иное политическое решение (даже совершенное не в полном соответствии с демократическими нормами голосования или в обход им).

Россия, по Путину, в отличие от Украины уважает права меньшинств. Поэтому она дала крымчанам возможность определить свое будущее и самим решить, хотят ли они быть в составе Украины или России. После того, как крымчане решили, что они хотят быть в составе России через референдум, у России, по словам В. Путина, другого выбора не было, как присоединить Крым к России, так как это их желание. Россия также будет уважать права не только русскоязычных, но и национальных меньшинств Крыма. Присоединение к России будет связано с реабилитацией и восстановлением законных прав и интересов крымско-татарского народа. И здесь Путин для своей риторической аргументации опять обращается к прошлой истории. Екатерина II издала указ, что крымские татары будут восприниматься как собственные граждане Российской империи. Такой политики Россия будет придерживаться и в будущем. Упоминание исторических аналогий в контексте имперского прошлого, разумеется, может вызывать у слушателя совсем иные ассоциации, а именно как неоимперское повторение прежнего, русификаторского, опыта (царского или советского).

Важной «нашей» ценностью Путиным объявляется сохранение и соблюдение конституции страны как гаранта прав человека. Результат новых выборов, по Путину, нельзя считать легитимным, так как уже существует юридически действующий президент. Также сам

переворот был антиконституционным. Такое неуважение к ценностям приводит к тому, что люди не могут доверять новой власти. Дискурсивный ход Путина: поскольку власть поступила антиконституционно, насильно свергнув действующего президента, то и народ имеет право так же, насильственными методами, уничтожить новую власть.

Слова В. Путина о бойцах «Беркута», вставших на защиту конституции и президента, – это предупреждение в первую очередь своим гражданам, россиянам. Украина в этом случае служит В. Путину только примером, как не следует поступать российским гражданам. Цельность и прочность государства, по словам В. Путина, заключается в строгом соблюдении приказов, распоряжений и иерархии всех ветвей власти. Отсутствие слаженной и четкой работы между структурами в государственном аппарате жестоко мстит власти. Власть должна уметь защищаться, военные структуры создаются с этой целью и стоят на защите государства.

Государство не просто некий аморфный организм, его цельность и целостность зависит от чувства патриотизма, любви к Родине, преданности ей. Преданность к своему государству должна воспитываться у граждан. По интерпретации В. Путина, в Украине этого не делали. Бойцов «Беркута», которые достойно защищали свое государство, перестали в больницах лечить и даже кормить. Это, по словам В. Путина, «аукнется для самого украинского государства». В будущем государство не сможет надеяться, что люди будут вести себя, как бойцы «Беркута», и защищать интересы государства. Украина дает этому, по словам В. Путина, печальный пример.

4.1.4. Логика для мотивации

По словам Кемпфа (1999), дискурс войны мотивирует конфликт с помощью логики, которая представляет агрессию разумным обоснованием в этой ситуации. Война или конфликт конструируется необходимыми, чтобы предотвратить разрушение, или способом построить мост в будущее, которое лучше сегодняшнего дня. С помощью логики для мотивации дискурс войны оправдывает применение насилия «нами» против врага, «их». Хотя «нам» приходится применить силу против «них», это оправданно, так как другого выбора нет. Далее мы рассмотрим, как видна эта логика для мотивации конфликта в речи В. Путина.

В дискурсе войны о событиях в Украине В. Путин называет только один возможный инцидент, где применение силы будет оправданно. Это вооружение людей на юго-востоке Украины. Они

стали вооружаться, так как они забеспокоились за свое будущее и захотели защитить себя. Хотя разоружение этих людей в принципе разумно, этого нельзя делать, пока не разоружатся националисты и государство Украины не уведет танки и боевую технику прочь. Россия также может применить силу на юго-востоке Украины, если это понадобится, чтобы защитить граждан на юго-востоке Украины. В. Путин, однако, надеется, что конфликт можно будет решить политико-дипломатическим способом.

В дискурсе о событиях в Крыму оправдания агрессивного поведения России в речи В. Путина больше. Агрессивное поведение в этом случае не имеет ввиду применения силы. Поведение России в отношении Крыма отчасти также мотивируется тем, что «посторонние силы» показывают агрессию против России, в данном случае это НАТО:

Но если туда (Крым; примечание автора) зайдут войска НАТО – а они же там поставят эти ударные средства, – тогда для нас это имеет уже геополитическое значение: тогда Россия окажется практически выдавленной из Причерноморья.

Так как Россию хотят выдавить из Причерноморья, России должна защитить себя и не дать этому произойти. Если Крым останется в составе Украины и Украина войдет в НАТО, это будет агрессией против России. Аргументация Путина вхождения Крыма в состав России гуманитарными причинами (крымчане хотели защитить себя от Украины и построить лучшее будущее) является скорее вторичным или даже третичным мотивом. Легитимация военной силы в речи Путина обнаруживает реальное беспокойство России, касающееся в первую очередь защиты и безопасности ее границ. Другие мотивы (желание жителей быть с Россией, нарушения прав человека в Украине и проч.) являются только дискурсивным прикрытием для обоснования военной безопасности России на ближних подступах к ней.

4.1.5. Репортаж конфликта

Описание, или репортаж, конфликта в дискурсе войны происходит способом, которое стремится к эскалации конфликта. Это значит, что способ концептуализации конфликта, оценки прав, целей и действий участников и эмоционально привязывать слушателя к конфликту служит для эскалации самого конфликта. Далее мы рассмотрим, как это делается в речи В. Путина.

А) Эскалация при концептуализации конфликта

В концептуализация конфликта на юго-востоке Украины есть элементы, которые служат для эскалации конфликта. Самое разделение на «хороших» и «плохих» служит этому. Деля участников в конфликте на «хороших» и «плохих», В. Путин недвусмысленно намекает, на чьей стороне слушатели должны быть. Называя жителей на юго-востоке «русскими», В. Путин апеллирует к чувствам и эмоциям большинства зрителей и просит выбрать сторону протестующих на юго-востоке Украины.

Концептуализация событий в Крыму происходит с помощью противопоставления прошлого и настоящего времени: прошлое (Крым в составе Украины) объявляется «плохим», настоящее и ближайшее будущее (в составе России) – «хорошим». В прошлом крымчанам пришлось иметь дела с «плохими» украинцами, в будущем они будут иметь дело с «хорошими» россиянами.

По интерпретации В. Путина, историческая правда на стороне «хороших» (пророссийски настроенных). Временные поражения «хороших» (Янукович потерял свое президентство, и бойцы «Беркута» не смогли предотвратить переворот; граждане на юго-востоке также еще не смогли защитить свои права и заставить новое правительство принимать их желания во внимание) искупаются их победой в Крыму: Россия смогла защитить крымчан.

Б) Эскалация при оценке прав, целей и действий

В этом пункте особенно заметны дискурсивные сдвиги политической коммуникации, проявляющиеся в двойном стандарте в интерпретации схожих явлений, где одно выступает как законное, «хорошее», зато другое, демонстрируемое другой стороной, объявляется нелегитимным, незаконным, «плохим». В дискурсе войны о событиях в Украине и в дискурсе войны о событиях в Крыму права, цели и действия «хороших» оцениваются позитивно, когда права, цели и действия «плохих» часто осуждаются. На оценку влияет то, объявляется ли человек или группа людей «плохими» или «хорошими». Одни и те же права могут оцениваться либо положительно, либо отрицательно, в зависимости от того, кого касаются эти права. Дискурсивный сдвиг в речи В. Путина наступает тогда, когда встает вопрос о свободном волеизъявлении людей. В таком случае получается, что у крымчан есть право на самоопределение. Они могут отказаться от власти в Киеве и присоединиться к России, если

они этого хотят. Напротив, люди, протестующие против Януковича, однако, этого права не имеют. Они должны признать юридическую позицию Януковича как президента. Протестовать против этого неразумно. У Украины также нет права на неприкосновенность территорий. Россия может присоединить к себе Крым без согласия Украины, если сами крымчане этого хотят. Таким образом, в политической дискуссии тот или иной политический термин может выступать как разменная монета, теряя свое общепринятое, кодифицированное содержание и становясь только пустой словесной этикеткой.

Двоякую дискурсивную логику и оценку политической реальности в угоду своим политическим задачам можно видеть и при оценке целей. Цель протестующих на юго-востоке Украины Путиным оправдывается. Они просто хотят защитить себя. Цель протестующих против отказа Януковича подписать соглашение с Евросоюзом осуждается. Янукович хотел благополучия своей страны и протестовать против этого не разумно. Цель «посторонних сил» разрушить Россию нужно предотвратить. Россия с Украиной должны держаться вместе, чтобы быть успешными. Но ведь присоединение Крыма к России можно также видеть как раздробление Украины. Это, однако, в речи В. Путина оправданный шаг. Крымчане сами хотят этого. Хотя В. Путин и отмечает, что украинцы и крымчане должны быть друзьями, это значит, что украинцы должны уважать выбор крымчан присоединиться к России. Цель НАТО – выдавить Россию из Причерноморья – также нужно предотвратить. Это служит оправданию присоединения Крыма к России.

Эта же двойная логика видна также и при оценке Путиным тех или иных действий. Когда Тимошенко призывает стрелять русских «из атомного оружия», Путин шутливо объясняет это только эмоциональным срывом. Когда националисты выражают антагонизм против русских, это осязаемая угроза против русскоязычного населения. Далее: Украинское государство не оказывало должного внимания экономике Крыма, украинские олигархи осваивали территорию в Крыму незаконными способами. Напротив: во времена СССР в Крыму экономика была в хорошем состоянии; и в ближайшем будущем (уже в составе России) Крым будет так же успешно развиваться.

В дискурсе войны о событиях в Крыму также заметно, что эскалация антагонизма происходит с помощью того, чьи права, цели и действия получают приоритет. По Путину, цель России – защитить крымчан, право крымчан на свободное волеизъявление и право России на позицию в Причерноморье важнее, чем право Украины как суверенной страны на неприкосновенность

границ. В речи В. Путина о событиях в Крыму также можно отчетливо видеть, что позиции России дается приоритет. Что касается Крыма, то, по Путину, Украина должна понимать позицию России, но В. Путин не призывает понимать позицию Украины.

В) Эскалация при эмоциональной связности

Под эмоциональной связностью Кемпф (1999) имеет в виду, какие эмоции возбуждаются у слушателя и какие эмоции связывают с действиями. В дискурсе войны о событиях в Украине с действиями «плохих» связываются отрицательные эмоции. Их действия глупые, эгоистические и направлены против благополучия народа. Отрицательные чувства, возбуждаемые против «плохих», служат для эскалации конфликта. «Плохих» не надо слушать, так как их требования и действия неприемлемые. Поступки «хороших», в свою очередь, отважные, достойны уважения и ведут к благополучию народа. Таким образом поступки «хороших» заранее выведены из-под критики.

Тот факт, что, по словам В. Путина, на юго-востоке Украины живут «русские» (Путин не уточняет реальный этнический состав проживающих на этой территории), также эмоционально связывает слушателей с этими людьми. Если они русские, значит они «наши» люди, следовательно – «хорошие». Их проблемы касаются и нас, живущих в России. Таким образом делается невозможным оставаться посторонним наблюдателем в конфликте. Происходит дискурсивная подмена одним этническим термином «русские» всего этнического многообразия данного региона и тем самым оправдание и неизбежность «помощи» России «русским» на юго-западе Украины.

Такую же логику можно также увидеть и в дискурсе войны о событиях в Крыму. С действиями «плохих» соединяются отрицательные эмоции, что направляет общественное мнение против них. С действиями «хороших», в свою очередь, ассоциируются положительные эмоции, что выводит их из-под критики.

Так же как и в дискурсе войны о событиях в Украине, в дискурсе войны о событиях в Крыму В. Путин эмоционально привязывает слушателей лично к Крыму, подчеркивая этноязыковое и историческое родство россиян и крымчан. Крым является территорией, которая исторически принадлежала России, за нее отдано много жизней русских, там также находится город русской военно-морской славы – Севастополь. Присоединение Крыма является «нашей

победой». Таким образом, слушателям после такой дискурсивной и риторической атаки становится сложным иметь мнение против присоединения Крыма к России.

4.2. Дискурс мира

Так же как и дискурс войны, дискурс мира также можно рассматривать с помощью пяти особенностей: ключевых вопросов, предложений для идентификации, ориентации на правду, логики для мотивации и репортажа конфликта. Далее мы рассмотрим эти особенности в нашем материале.

4.2.1. Ключевые вопросы

Как отмечает Кемпф (1999), ключевыми вопросами в дискурсе мира являются: в чем проблема и как ее можно решить, так чтобы решение удовлетворяла всех. Далее мы рассмотрим эти вопросы.

Проблема, которая требует решения в дискурсе мира о событиях в Украине, – это, по мнению Путина, то, что новые власти в Украине нелегитимные:

Начались известные беспорядки, которые привели в конечном итоге к антиконституционному перевороту.

Переворот против конституции, то есть незаконный. Это значит, что новая власть в Украине получила свою власть нелегитимным способом. В. Путин дает понять, что новая власть должна выбираться в рамках закона. Люди, которые получили свою власть вне рамок закона, не должны признаваться легитимными правителями.

Легитимность вообще одно из ключевых понятий, анализируемых дискурс-анализом при изучении политического дискурса, так как в этом понятии концентрируются вопросы доверия к власти, ее полномочиям, социальной морали, общественной этики, демократическим механизмам смены власти. Отказывая в легитимности новой украинской власти, В. Путин тем самым показывает отсутствие власти в Украине, дезавуирует статус новой власти, сомневается в ее властных функциях, создает картину перед слушателями политически пустого пространства. Как следствие этого у слушателей может родиться представление об отсутствии

государственности в Украине, поскольку ставится под вопрос вообще существование самого государства Украины, Путин отказывает ему в независимости и самостоятельности.

В. Путин делает следующий риторический ход и проблематизирует легитимность новых выборов президента:

По конституции Украины, если ее не поменять, ведь если не поменять конституцию, новые выборы, при наличии действующего, юридически действующего президента Януковича, проводить просто невозможно.

Эти выборы нелегитимные, так как они против конституции Украины. Чтобы новые выборы были легитимными, нужно изменить конституцию. У Украины уже есть действующий президент. Конституция не предполагает выбор нового президента при наличии действующего президента. Новые люди во власти Украинского государства действуют вне закона, устраивая эти новые выборы. Они получили власть вне закона и пытаются ее удержать также незаконными методами.

Провал российской внешней политики в отношении Украины тщательно маскируется В. Путиным. В. Путин дает следующее объяснение: нелегитимность новых властей является проблемой также для России. Россия не может признать все, что происходит в Украине. Независимо от этого, русские политики не отказываются от контактов с их украинскими коллегами. Это способ России показать свой дипломатический такт. Однако с точки зрения дискурс-анализа такое объяснение не более чем дискурсивная уловка, а именно – сделать хорошую мину при плохой игре. Россия «проиграла» Украину, и теперь В. Путину приходится прикрывать этот проигрыш привлечением завуалированного дипломатического языка, используя риторику великодушия России и покровительственное понимание происходящего («дипломатический такт»).

Если новая власть объявляется нелегитимной, неконституционной, то старая власть получает у В. Путина намного менее жесткие характеристики. В. Путин обсуждает также проблемы, с которыми столкнулся Янукович как президент Украины. Хотя с его решениями можно не соглашаться, все-таки ситуация в которой Янукович был, когда в Украине начались протесты, сложная. По словам В. Путина Янукович «исполнял свой долг так, как считал возможным и нужным». Использование прилагательных *возможный*, *нужный* в этом контексте снимает ответственность с Януковича, виновники ищутся именно в новой украинской власти.

Решением проблемы нелегитимности новой украинской власти В. Путин считает соблюдение демократических принципов, однако их дискурсивная суть тщательно маскируется российским президентом. Легитимность власти надо, по Путину, восстановить с помощью диалога и демократических процедур:

Только в ходе диалога, в ходе демократических процедур, а не с использованием вооруженных сил, танков и авиации можно навести порядок в стране.

Порядок можно навести только в ходе диалога, и демократические процедуры восстановят легитимность власти. Что именно В. Путин имеет в виду под «демократическими процедурами», остается не до конца понятным, но скорей всего это возможность участия всех граждан Украины (запада и востока) в выборном процессе. Как мы уже отмечали выше, В. Путин был против новых выборов президента. Выборы президента, однако, являются демократической процедурой. Однако эта процедура не является легитимной, пока конституция в Украине не будет изменена. В таком случае, по словам В. Путина, надо говорить о федерализме и децентрализации Украины. В этом суть мессиджа В. Путина: обосновать путем логических умозаключений и убедить слушателей в необходимости самоуправления юго-востока Украины, подконтрольной России.

Ключевое слово здесь – диалог. Новые власти должны вести диалог с людьми, их мнение должно быть услышанным. На вопрос, с кем новая власть должна вести этот диалог, В. Путин отвечает, что «с людьми и их представителями». Здесь предполагается, что у людей на юго-востоке уже есть представители, однако киевская власть этих представителей не замечает, игнорирует. Говоря о «представителях» как политическом термине, Путин тем самым легитимизирует их в российском политическом поле и противопоставляет российское видение ситуации (непослушание юго-востока Украины Киеву закономерно) киевскому (Киевом «представители» объявлены «террористами»). Таким образом, Путин рассматривает власти юго-востока Украины как равноценные киевскому центральному управлению и в этом смысле такие же независимые и самостоятельные; иерархия власти и властных функций (региональная – центральная власть) затушевывается В. Путиным, и слушатели далеко не всегда могут разобраться в такой логической подмене понятий и категорий.

Однако эти категории все же могут быть отнесены к дискурсу мира (в интерпретации Кемфпа) через понятие диалога, используемого Путиным: и новая власть Украины, и представители людей на юго-востоке Украины должны быть способны к диалогу. Члены этих групп в принципе способны решить свои разногласия с помощью мирных способов. Антагонизм интересов между этими группами не является фактором, препятствующим этому. Диалог, в понимании В. Путина, возможен между равноправными сторонами, партнерами (тем самым легитимируется пророссийская власть юго-востока Украины); напротив, Киев не рассматривает этот регион как участника равных партнерских отношений, считая его пророссийским анклавом и отказываясь от диалога. Таким образом, через категорию диалога Путин оправдывает и легитимирует непослушание юго-востока Украины как закономерное, оправданное и тем самым признает законность и преемственность старой (пророссийской) украинской власти (Януковича и его команды).

Вторая проблема, которая требует решения, – это то, что переворот власти в Киеве привел к угрозам против национальных меньшинств:

Они наблюдали и всплеск национализма, и угрозы в свой адрес, и желание отменить некоторые права национальных меньшинств, в том числе русского меньшинства.

Причиной возникновения такой проблемы является в историческом прошлом самой страны Украины. Как мы уже отмечали выше, по словам В. Путина, Украина была собрана по частям в советское время. Люди, которые там живут, имеют разный менталитет, и им трудно понимать друг друга. Это приводит к антагонизму между группами людей. Таково объяснение В. Путина. В такой мотивировке ясно прослеживается идея расколоть украинское общество по ментальному признаку, лишая Украину тем самым единства национального (само)сознания. Эксплуатация, подчеркивание, муссирование ментально-психических особенностей разных этнических групп в политической коммуникации, как правило, преследует цель разобщить социум, посеять семена сомнения и недоверия друг к другу, народа к народу, этноса к этносу.

Для решения этого антагонизма В. Путиным выдвигаются обеспечение прав русского меньшинства:

Вопрос в том, чтобы обеспечить законные права и интересы русских и русскоязычных граждан юго-востока Украины.

В Украине должен быть найден способ обеспечить законом права и интересы русскоязычного меньшинства. Для этого есть демократические процедуры, с помощью которых можно найти компромиссы и договориться о решении, который подходит всем. Вторым решением выдвигается требование помочь людям понять друг друга и жить вместе. Это, по словам В. Путина, касается не только Украины. Вся Европа должна быть вместе, чтобы быть успешной.

В дискурсе мира о событиях в Крыму также встает проблема меньшинств. По мнению Путина, угрозы против русскоязычных касается также людей в Крыму. Решением этой проблемы дать возможность для волеизъявления крымчанам. Кроме русскоязычных в речи В. Путина также выступает крымско-татарский народ. По словам В. Путина, крымско-татарский народ пострадал вовремя сталинских репрессий. Они были депортированы из Крыма. Решением этой проблемы В. Путиным выдвигается «реабилитация и восстановление законных прав крымско-татарского народа». Для этого в Администрации Президента занимаются подготовкой указа Президента о реабилитации крымско-татарского народа. В. Путин утверждает, что это касается не только крымско-татарского народа. Путин также ссылается и на других репрессированных народов. Рассказывая так подробно о советских репрессиях и начале срочной работы по реабилитации после вхождения Крыма в состав России, В. Путин, несомненно, пытается вызвать в сознании слушателей образ «ленивой и безразличной» Украины, ничего не сделавшей для реабилитации крымско-татарского народа, и «деятельной и справедливой» России, сразу же взявшейся за исправление исторической ошибки.

Присоединение Крыма к России приводит к разногласиям между людьми, которые живут в Крыму, и людьми, которые живут в Украине. Людям стало сложно общаться друг с другом из-за разногласий по вопросу Крыма. Решение этой проблемы В. Путин видит в «уважении». Характерно, что В. Путин призывает украинцев к одностороннему, неравноправному пониманию и уважению: люди в Украине должны уважать людей в Крыму и понимать позицию крымчан. Таким образом, позиции людей внутри Украины по поводу Крыма просто-напросто игнорируются В. Путиным; обладателем единственно верного, правильного мнения объявляется только одна сторона (крымчане), мнение же другой стороны (украинцев) вообще не обсуждается В. Путиным и не принимается им во внимание. Под видом «уважения» (на первый взгляд, дискурс мира) в речи В. Путина проводится совсем другая идея: несовпадение интересов.

В дискурсе мира о событиях в Крыму выступает также проблема экономических трудностей Крыма. Обвинения В. Путина в украинском «прошлом» Крыма: сельхозпроизводство упало с времен СССР, материально-техническая база санаториев пришла в упадок и так далее. На этом безрадостном экономико-эмоциональном фоне решением этих проблем В. Путин выдвигает российские инвестиции в развитие Крыма. Целый перечень экономических понятий и терминов (*повышение доходов работников государственной сферы, получение социальных выплат, модернизация и докапитализация промышленного и сельскохозяйственного потенциала и инфраструктуры* и так далее) выполняет в политической коммуникации скорее успокаивающую, убаюкивающую роль. Также заметна и смысловая антонимия: украинское «прошлое» рисуется через понятие «упадок», настоящее и будущее в России – позитивными терминами (*повышение, получение, модернизация, рублевый оборот*).

Желание России строить вместе с украинцами отношения, основанные на сотрудничестве, нарушается, по словам В. Путина, именно украинцами. После присоединения Крыма к России украинские банки ушли из Крыма, что привело к ограниченному оборотом в гривне. Виновными объявляются в первую очередь украинцы:

Мы будем пытаться договариваться с украинскими партнёрами. Пока это не получается.

Обеспокоенность россиян в тяжелом налоговом бремени на бюджет после присоединения Крыма В. Путин легко отмечает: у России есть в бюджете деньги на инвестиции в Крым. К тому же инвестиции не будут ущербом для России в долгосрочной перспективе, так как они сделают Крым «самодостаточным, а потом донором». Перенесение центра тяжести обсуждаемых проблем в обществе на оптимистичное будущее без обсуждения деталей – также характерная черта политической коммуникации.

Успокоительные заверения Путина продолжились и в перспективе развития курортного направления Крыма, в частности города Сочи. Прямые слова политика о нарастании конкуренции слушатели (и особенно те люди, которых эта тема непосредственно касается) обычно воспринимают не слишком оптимистично, поэтому Путин умело дифференцирует две важные курортные зоны в России:

В Крыму и в Сочи должны быть разные туристы, разные категории отдыхающих. В Крыму сегодня, имея в виду ту инфраструктуру, которая есть сегодня там, все-

таки эта инфраструктура рассчитана на людей с небольшими доходами, и такие люди вряд ли могут себе позволить проживание в шикарных, замечательных гостиницах Сочи.

Инфраструктура Крыма «рассчитана на людей с небольшими доходами», в Сочи инфраструктура для людей с более высокими доходами.

Дискурс мира предполагает нахождение компромиссов между разными точками зрения. В программе у В. Путина спросили, что считает ли он проблемой то, что присоединение Крыма разделило мнения в России. Не все россияне поддерживают действия России по вопросу Крыма, что может привести к внутренним проблемам в России. В. Путин ответил, что он не чувствует «особого накала даже в связи с событиями в Крыму и Севастополе». То, что не все люди согласны с действиями России, В. Путин не считает проблемой. Люди могут свободно выдвигать собственную позицию, но должны быть готовы к тому, что их позиция может быть оспорена. Решение о присоединении Крыма уже принято на высшем уровне без референдума и голосования, присоединение – это свершившийся факт, общественные дискуссии на эту тему имеют отчасти только комментаторский и политологический, журналистский интерес, не затрагивая существа вопроса: законным или нет было присоединение Крыма? Поэтому Путин так спокойно реагирует на вопрос о разных точках зрения внутри российского общества: наличие альтернативных позиций уже ничего изменить не может.

Дискурс мира привлекается В. Путиным для оправдания присоединения Крыма. Поскольку процедура голосования в Крыму была объявлена в российской прессе как добровольная и свободная, демократическая, а некоторое количество военнослужащих, направленных в Крым, получило статус защитных, охранительных отрядов, то В. Путин отвергает утверждение о выборах «под дулом автоматов» и переводит разговор о «силе, [имеющей] существенное значение в международных делах» в иной смысловой и дискурсивный диапазон – поиске здравого смысла:

[---] государства на международной арене смогли бы исходя из здравого смысла выработать и укреплять такие правила поведения, которые были бы стабильными и давали бы возможность договариваться, искать компромиссы, балансировать интересы государства и народа на международной арене, не прибегая к этой силе.

Однако *здоровый смысл* – неоднозначное дискурсивное понятие, используемое разными политиками для обоснования совершенно разных политических целей. *Здоровый смысл* относится к категории дискурсивно формируемых структур, которые получают свою экспликацию только в контексте (социальном, политическом, языковом). Выборы в Крыму по вопросу присоединения к России диктовались, по словам В. Путина, именно *здоровым смыслом* проживающих там людей (позиция России), но совсем не *силой* и принуждением (позиция Украины и многих европейских стран).

4.2.2. Предложение для идентификации

Как отмечает Кемпф (1999), в дискурсе мира слушателя просят идентифицировать себя со всеми сторонами конфликта. Это значит, что дискурс мира не идентифицирует участников конфликта через раздел «мы» и «они», а пытается дать всесторонний взгляд на ситуацию. Дискурс мира не идентифицирует с вооруженными силами ни той ни другой стороны. Зато он гуманизирует или по крайней мере уважает жертв, граждан и защитников мира всех сторон.

В нашем материале мы нашли только один случай предложения для идентификации связан с дискурсом мира:

давайте не будем, обойдемся, может быть, без «зеленых человечков», с одной стороны, с другой стороны – без «хомячков с гнилыми зубами», как-то повысим культуру нашего общения и нашей дискуссии.

Здесь человек, который задал вопрос попросил не называть русских военнослужащих, которые защитили Крым «зелеными человечками», так как это оскорбительно для них. Этот же человек сам назвал людей, которые в России были против присоединения Крыма, «разномастными либеральными хомячками», которые «пытаются гнилыми зубами вгрызаться в опоры нашей национальной гордости». Ответ В. Путина дает понять, что всех нужно уважать: и тех, которые за присоединение Крыма и тех, кто против. Мы должны стремиться к тому, чтобы люди с разными мнениями могли разговаривать друг с другом.

Примечательно в нашем материале и то, что, хотя власти Украины репрезентируются Путиным отрицательно, антагонизм между властью и народом в Украине можно решить. Власти в Украине должны быть способны на ведение диалога. Мы уже комментировали, что категория диалога у В. Путина, рассмотренная с дискурсивных позиций, предполагает

равенство сторон (юго-восток Украины и киевская власть как равноценные суверены), что отрицает и не хочет признать киевская власть. Хотя презентация этих новых киевских властей происходит во многом с помощью противопоставления «мы» и «они», характерного для дискурса войны, в репрезентации есть также элементы дискурса мира. Диалог для жителей юго-востока Украины означает признание их прав и законных требований, для Киева же – признание поражения. Поэтому апелляция В. Путина к диалогу, рассмотренного не просто как словесный знак политического языка, а в конкретном дискурсивном контексте, интерпретируется сторонами конфликта с разных, диаметрально противоположных, точек зрения.

4.2.3. Ориентация на правду

Мы будем рассматривать особенности дискурса, которые говорят о том, что в дискурсе пытаются дать всестороннюю картину конфликта. Дискурс мира делает противоречия видными. В дискурсе рассказываются также истории об «их» страданиях и «наших» злодеяниях и жестокости. В этой категории правды обычно предлагаются возможности трансформации конфликта, рассказываются истории об успешном сотрудничестве и разрешении антагонизма, деконструируются мифические интерпретации и ищутся общие ценности.

В речи В. Путин предлагает возможности трансформации конфликта на юго-востоке Украины. Это требует применения демократических процедур и ведения диалога. Через поиск компромиссов и обеспечения законных прав и интересов русскоязычного населения можно решить проблемы. Дискурсивный анализ понятий «диалог», «права национальных меньшинств» в политическом контексте показал, что контекст языковой (значение знака) и контекст политический могут не совпадать и даже входить в логическое противоречие в политической коммуникации: призыв одной стороны к диалогу означает для другой стороны признание поражения.

В своей речи об экономическом бремени, легшем на бюджет страны после присоединения Крыма к России, В. Путин упоминает о необходимых затратах, инвестициях в Крым, но не конкретизирует экономическую составляющую, ограничиваясь общими словами о достаточности и прочности российского бюджета.

В дискурсе мира о событиях в Украине и Крыму мы не нашли рассказов об «их» страданиях и «наших» злодеяниях. Хотя в речи В. Путина есть попытка трансформации конфликта в мирное русло, в нем нет критического подхода к противоречиям конфликта и деконструкции мифических интерпретаций.

4.2.4. Логика для мотивации

Как отмечает Кемпф (1999), в дискурсе мира фактом и фактором, мотивирующими к миру, является цена победы. Конфликт наносит вред культуре, экономике, социальным взаимоотношениям и так далее. Дискурс мира стремится изучить возможность достижения мира и примирения, чтобы избежать этих ущербов.

В речи В. Путина можно выделить три причины для достижения и сохранения мира. Они следующие:

Первая причина – нравственная. По словам В. Путина, Янукович не хотел применять силу, чтобы успокоить ситуацию в Украине вследствие своих ценностных установок и моральных причин: «рука не поднялась подписать приказ о применении силы против своих граждан». Насилие сам по себе сомнительный способ держать ситуацию под контролем. Говоря о Януковиче такими словами и используя фразеологию (*рука не поднялась*), В. Путин пытается создать образ заботливого, внимательного к нуждам и чаяниям украинцев президента. В этой части речи В. Путина категория насилия ассоциирована с моральными принципами Януковича, которые оказываются выше долга президента – возможности применения силы, вооруженных формирований для подавления антиконституционных выступлений и беспорядков.

Вторая причина – это порядок в стране. В. Путин отмечает, что из-за конфликта на юго-востоке Украины «страна движется в пропасть»:

Надеюсь, что удастся все-таки понять, в какую яму, в какую пропасть движется сегодняшняя власть и тащит за собой страну.

Заметна смена дискурсивного регистра: если раньше, при Януковиче, страна развивалась, то при новых киевских властях произошло мгновенное обрушение государственности на всех уровнях: политики, экономики, социальных отношений. Для этого В. Путин подбирает

сильное слово *пропасть*, вызывающее у слушателей впечатление безысходности и катастрофы. Конфликт создает беспорядок, который не является благом для страны. Чтобы «навести порядок в стране», надо найти решение конфликта. Насилие в этом не поможет.

Третья причина – это успех. Сотрудничество Украины и России принесет успех обоим странам:

Если мы хотим быть успешными, то мы, конечно, должны сотрудничать, быть вместе.

У Украины и России много общих интересов, поэтому они должны защищать их вместе. Россия и Украина должны также держаться вместе, чтобы противостоять силам, которые хотят принести ущерб России. Сотрудничество также принесет успех и всей Европе:

в складывающемся современном мире, имея ввиду тенденции его формирования на ближайшую историческую и более отдаленную историческую перспективу, весь этот мир, вся Европа, [---] от Лиссабона до Владивостока, должны объединиться, чтобы быть конкурентоспособными и жизнеспособными в бурно развивающемся мире.

Это поможет Европе быть конкурентоспособной в современном мире. Дискурсивный смысл такого объяснения В. Путина понятен: Россия не хочет полной интеграции Украины в Европу и смены ее политических приоритетов и ориентиров (переориентация с пророссийской позиции Януковича на прозападную). Поэтому апелляция В. Путина к сотрудничеству стран, их общим интересам, успеху в Европе нацелена на сохранение и поддержание российских интересов, нежелании России «отпускать» Украину. Это в речи Путина также конструирует образ открытой и миролюбивой России, желающей сотрудничать со всеми. Если после этого Европа откажется от сотрудничества в ущерб себе, по интерпретации В. Путина, это конструирует образ неразумной, антагонистической России Европы. Таким образом уже заранее это создает возможное поле осуждения действий Европы, которые являются против интересов России, например, экономические санкции.

4.2.5. Репортаж конфликта

Как отмечает Кемпф (1999), в дискурсе мира описание, или репортаж, конфликта делается способом, которое стремится к деэскалации конфликта. Это видно в концептуализации

конфликта, в оценке прав, целей и действий участников конфликта и в эмоциональной привязке слушателя к конфликту.

А) Концептуализация конфликта

Деэскалацию при концептуализации конфликта в речи В. Путина можно найти в концептуализации конфликта между крымчанами и россиянами. Некоторые россияне забеспокоились, что присоединение Крыма к России принесет им экономический ущерб. В. Путин успокаивает их, уверяя, что экономического ущерба не будет. Россия справится с инвестициями в Крым без снижения социальных выплат россиянам. Таким образом он выражает, что крымчане не являются проблемой для благополучия россиян и причины для конфликта нет.

Предложение В. Путина решить конфликт на юго-востоке Украины с помощью демократических процедур и диалога также может служить для деэскалации конфликта. То, что проблемы можно решить и без применения силы, дает понять, что конфликт не единственный способ достичь желаемых результатов. Есть также способы, которые могут принести удовлетворительные результаты обеим сторонам.

Б) Эмоциональная связанность

Деэскалация при эмоциональной привязке слушателя к конфликту в речи В. Путина связана с конфликтом в разговоре. Не все люди в России поддерживают позицию России по вопросу Крыма. Это приводит к эмоциональным реакциям зрителей/слушателей во время дискуссии об этих событиях. В. Путин призывает людей «повысить культуру дискуссии» и не давать эмоциям овладеть дискуссией. Таким образом он снижает антагонизм между людьми с различающимися мнениями.

В нашем материале мы не нашли деэскалации при оценке прав, целей и действий участников. Оценка этих элементов происходила внутри конструкции «мы» против «их». Таким образом оценка прав, целей и действий «наших» оценивалось положительно, в то время как оценка прав, целей и действий «их» оценивалось отрицательно. Хотя В. Путин и говорил, что мирное

решение конфликта на юго-востоке Украины возможно, он не представлял это целью новой власти в Украине.

4.3. Выводы

В нашем материале видно, как В. Путина конструирует события в Украине и Крыму преимущественно с помощью дискурса войны. Противопоставление «хороших» и «плохих» является заметным в речи В. Путина. Картина, конструируемая о событиях в Украине и Крыму, односторонняя. Позиция «хороших» репрезентируется разумной и действия оправданными. Конструкция конфликта часто поддерживает эскалацию конфликта.

Конструкция конфликта с помощью дискурса войны дает понять, что причины конфликта однозначны и решение конфликта простое. Дискурс войны предлагает оправдание или осуждение конфликта, когда это выгодно В. Путину. При описании событий переворота «плохие» являются провокаторами конфликта, что осуждает сам переворот. Напротив, в конфликте на юго-востоке Украины инициаторами конфликта являются «хорошие», что оправдывает конфликт. Угрозы против крымчан оправдывают вмешательство России в события в Крыму.

Дискурс мира должен ставить эту упрощенную картину конфликта под вопрос. В речи В. Путина, однако, нет критического подхода к конструкции картины конфликта, характерной для дискурса мира. Даже когда в речи В. Путина есть попытка найти решения проблем, эти проблемы репрезентируются вызванными действиями «плохих». Сами решения являются выгодными именно России, но не обязательно приемлемы другим сторонам конфликта. Позиция другой стороны не выдвигается В. Путиным, или он относится к этой позиции равнодушно, безразлично. Всесторонняя картина конфликта отсутствует. Причины, выдвигаемые В. Путиным для избегания конфликта, также часто служат интересам России. Деэскалация конфликта происходит в речи В. Путина только тогда, когда это выгодно для России.

Хотя в речи В. Путина есть элементы дискурса мира, эти элементы используются В. Путиным выборочно и с явным намерением оправдать поведение России. Это видно, например, при разговоре В. Путина с самими крымчанами. Он успокаивал крымчан, которые столкнулись с множеством проблемами в связи с присоединением к России. В. Путин пытался завоевать

поддержку крымчан после присоединения Крыма к России обещаниями решить в Крыму возникшие проблемы. Хотя это выглядит так, что В. Путин пытается решить проблемы людей, в его речи прослеживаются элементы дискурса войны. Он направлял внимание крымчан против Украины с помощью фраз о том, как украинцы вели дела плохо и привели Крым в упадок. На сторону России В. Путин заманивал крымчан с помощью репрезентаций хорошего будущего. Решение проблем само по себе можно видеть дискурсом мира. Но когда это решение проблемы конструируется с помощью фактора времени, где проблемы останутся в прошлом, а будущее рисуется как хорошее и светлое, это можно уже рассматривать как дискурс войны. Дискурс войны также строит картину «хорошего будущего». Однако это будущее можно достичь не путем дискурса мира, а с помощью конфликта, в данном случае с помощью разрыва с Украиной.

В речи В. Путина, с одной стороны, строится четкое различие между «хорошими» и «плохими», с другой стороны, высказывается важность сотрудничества, диалога. В этих случаях дискурсы войны и элементы дискурса мира употребляются намеренно. Противопоставление «нас» и «их» помогает добиться политику общественной поддержки действиям России. Акцентируя важность сотрудничества, в свою очередь, можно осудить действия и мнения тех, которые против действий России.

Итак, в результате анализа мы пришли к выводу, что дискурсивная презентация событий в Украине и Крыму в речи В. Путина происходит с помощью дискурса войны. Хотя в речи есть элементы дискурса мира, например, призыв к сотрудничеству, сам язык является таким, что Гэй (1999) определяет как «язык отрицательного мира». То есть В. Путин не пытается найти настоящего мира между конфликтующими сторонами, даже если он вербально и осуждает применение силы. В нашем материале виден манипуляторный аспект самого дискурса войны, о котором пишет Гэй (1999), что дискурс войны репрезентирует себя как язык мира. В программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» кажется, что В. Путин говорит о мире, хотя на самом деле он просто подавляет сопротивление против действий Российского государства. Тех, кто сопротивляются против действий России, он репрезентирует противниками мира и их сопротивление конструируется как акт против мира. В. Путин осуждает это сопротивление и тем самым легитимирует действия России.

Глава 5. Заключение

В настоящей дипломной работе мы поставили себе целью изучить дискурсивные тактики конструирования войны и мира, их соотношение и пропорции в политической коммуникации на материале «Прямой линии с Владимиром Путиным» (апрель 2014 г.).

Во введении мы представили цели и задачи нашей дипломной работы. Цель исследования дипломной работы – изучить и проанализировать вербальные репрезентации дискурсов войны и мира в речи Владимира Путина. Объектом исследования является политический дискурс в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» 2014 года. В качестве предмета изучения взяты дискурсы, связанные с событиями в Украине и Крыму в начале 2014 года.

В первой главе мы определили, что такое «дискурс» и представили методологию нашей работы, в основе которой лежит критический дискурс-анализ. Критический-дискурс анализ предоставляет критический подход к исследованию отношения власти и языка. В анализе политического дискурса критический дискурс-анализ стремится выявить, как политики с помощью языка пытаются влиять на общественное мнение и как дискурс СМИ влияет на политический дискурс в СМИ. В этой же главе мы описали и представили дискурсы нашего материала. Дискурс войны ищет способы легитимировать антагонизм между группами с помощью противопоставления «хороших» и «плохих». Дискурс мира пытается дать более полную картину конфликта и найти способ решить конфликт все стороны удовлетворяющим способом.

Во второй главе мы обсудили проблемы дефиниции политического дискурса, показали теоретические сложности и разногласия, существующие среди разных исследователей и дали следующее определение политического дискурса как дискурса, связанного с презентацией политики (политических решений) широкой публике. Далее мы описали взаимоотношения между политическим дискурсом и СМИ. Политический дискурс в СМИ является институциональным, опосредованным дискурсом. Он является производным от взаимодействия двух институтов современного общества – политики и СМИ. В конце второй главы мы представили отношения между властью, языком и публикой. Политики держат власть над людьми с помощью употребления языка. Успех политика зависит от того, получит ли он поддержку публики своим политическим действиям.

В третьей главе мы представили материал нашей работы и определили его жанр. Мы представили общую картину событий в Украине для того, чтобы читатель лучше понимал исследуемый нами материал. В жанре нашего материала объединяются гибридный жанр тележурналистики и тип политической коммуникации. Из жанра тележурналистики самым заметным элементом в нашем материале является ток-шоу, но в программе есть также элементы интервью, разговора, репортажа и телемоста. Типом политической коммуникации является управление информацией, ее дозирование и форматирование.

В четвертой главе мы провели анализ нашего материала. Мы изучили особенности дискурсов войны и мира, выделяемые Кемпфом. Дискурс войны строится на противопоставлении «нас» и «их». Деятели и объекты деятельности разделяются на «хороших» и «плохих». Действия одобряются или осуждаются в зависимости от того, является ли деятель в интерпретации того или иного политика «хорошим» или «плохим»; в данном случае – пророссийским или прозападным. Слушателям предлагают идентифицировать себя с «хорошими». Это противопоставление поддерживается другими особенностями дискурса войны: ориентацией на правду, логикой для мотивации и репортажем конфликта. Противопоставление «хороших» и «плохих» упрощает В. Путину глубину обсуждаемых проблем и дает ему возможность четко выразить, на чьей стороне слушатели должны быть.

Дискурс мира пытается дать более полную картину происходящего и предложить решение конфликта. Хотя в речи В. Путина мы нашли некоторые формальные признаки дискурса мира, выделяемые Кемпфом, критический подход дискурса мира к репрезентации событий в нашем материале отсутствовал. Также язык в речи В. Путина был языком «отрицательного мира», то есть стремления к настоящему сотрудничеству в нем не было.

Мы пришли к выводу, что репрезентация событий в Украине и Крыму в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» происходит именно с помощью дискурса войны. Речь В. Путина о мире и важности сотрудничества можно интерпретировать как манипуляторный способ дискурса войны репрезентировать себя языком мира. На самом деле разговор о стремлении к миру просто является способом осудить тех, кто против действий России, представляемых В. Путиным. Людей, критикующих действия Российского государства, представляют людьми, разжигающими конфликт, в то время как Россия (и В. Путин) якобы

хотят решение этого конфликта. Таким образом легитимируются действия Российского государства и осуждаются люди, критикующие эти действия.

В этой работе мы рассмотрели, как события в Украине и в Крыму репрезентировались Владимиром Путиным в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» в апреле 2014 года. После выхода этого выпуска прошло уже более трех лет. Исследование было бы интересно продолжить в диахронической перспективе и проанализировать репрезентации нами выбранных дискурсов в следующих выпусках программы «Прямая линия с Владимиром Путиным». Присутствуют ли дискурсы войны и мира в выпусках «Прямой линии» 2015 и 2016 годов? Каковы их пропорции? Какими лингвориторическими и дискурсивными средствами Путин описывает конфликт между современной Россией и Украиной?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Первичные источники:

Стенограмма. <<http://2014.moskva-putinu.ru/#page/question>>. [Просмотрен 11.9.2015]

Видео. <<http://2014.moskva-putinu.ru/#page/air>>. [Просмотрен 11.9.2015]

Напечатанные материалы:

Beard, Adrian 2000. *The Language of Politics*. Routledge: London/New York.

van Dijk, Teun A. 1997a. The Study of Discourse. *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume 1*. Ed. by T.A. van Dijk. SAGE Publications: London/Thousand Oaks/New Delhi, p. 1-34.

Edelman, Murray 1964. *The Symbolic Uses of Politics*. University of Illinois Press: Urbana.

Fairclough, Isabela, Fairclough, Norman 2012. *Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students*. Routledge: Abingdon.

Fairclough, Norman, Wodak, Ruth 1997. Critical Discourse Analysis. *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume 2*. Ed. by T.A. van Dijk. SAGE Publications: London/Thousand Oaks/New Delhi, p. 258-284.

Fetzer, Anita 2002. "Put bluntly, you have something of a credibility problem." Sincerity and credibility in political interviews. *Politics as Text and Talk. Analytic approaches to political discourse*. Ed. by P. A. Chilton and C. Schäffner. John Benjamins Publishing Company: Amsterdam/Philadelphia, p. 173-202.

Hannay, Alastair 2005. *On the Public*. Routledge: London/New York.

Heywood, Andrew 2013. *Politics*. Palgrave Macmillan: Hampshire/New York.

Kalliokoski, Jyrki 1996. Johdanto. *Teksti ja Ideologia: Kieli ja valta julkisessa kielenkäytössä*. Toim. J. Kalliokoski. Hakapaino Oy: Helsinki, s. 8-36.

Lauerbach, Gerda Eva, Fetzer, Anita 2007. Political discourse in the media: Cross-cultural perspectives. *Political Discourse in the Media*. Ed by A. Fetzer and G.E. Lauerbach. John Benjamins Publishing Company: Amsterdam/Philadelphia, p. 3-28.

Lukes, Steven 2005. *Power: a radical view*. Palgrave Macmillan: Basingstoke.

McNair, Brian 2007. *An Introduction to Political Communication*. Routledge: London/New York.

Mälkiä, Matti 1997. Kieli, yhteisöllisyys ja valta. Näkökulmia alan tutkimusperinteen kehittämiseksi. *Kielen vallassa*. Toim. M. Mälkilä & J. Stenvall. Tampere University Press: Tampere, s. 17-48.

Thompson, John B. 1984. *Studies in the theory of ideology*. Polity Press: Cambridge.

Thornborrow, Joanna 2002. *Power talk: Language and Interaction in Institutional Discourse*. Pearson Education: Malaysia.

Кузьмина, Н.А. (отв. ред.) 2013. *Современный медиатекст: учебное пособие*. Изд. 2-е. Москва: Флинта: Наука.

Михалёва, О.Л. 2009. *Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия*. Москва: Книжный дом "ЛИБРОКОМ"

Словари:

ТСРЯ 2006 = *Толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Москва: Российская Академия Наук.

Материалы, опубликованные в Интернете:

van Dijk, Teun A. 1997b. What is political discourse analysis? *Political Linguistics*. Ed. J. Blommaert and C. Bulcaen. Benjamins: Amsterdam, p. 11–52. <<http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf>> [Просмотрен 2.4.2016]

Gay, William C. 1999. The Language of War and Peace. *Encyclopedia of Violence, Peace and Conflict. Volume 2*. Ed. L. Kurtz. Academic Press: San Diego, p. 303-312. <<http://www.philosophy.uncc.edu/wcgay/publangwp.htm>>. [Просмотрен 16.5.2017]

Hevonoja, Jaana, Pajula, Ilpo, Töyrylä, Katriina 2014. *Ukrainassa mielenosoituksia Venäjän puolesta ja vastaan*. <http://yle.fi/uutiset/ukrainassa_mielenosoituksia_venajan_puolesta_ja_vastaan/7127457>. [Просмотрен 16.1.2016]

Ilie, C. 2006. *Talk Shows*. p. 489-493. <http://didattica.uniroma2.it/assets/uploads/corsi/143780/Talk_shows.pdf>. [Просмотрен 26.5.2017]

Kempf, Wilhelm 1999. *Deescalation-oriented conflict coverage? The Northern Ireland and Israeli-Palestinian peace processes in the German press*. <https://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/10951/267_1.pdf?sequence=1>. [Просмотрен 12.4.2017]

Kempf, Wilhelm 2003. Constructive conflict coverage – A social-psychological research and development program. *Conflict & communication online*. Vol.2: no 2. <http://www.cco.regeneration-online.de/2003_2/pdf_2003_2/kempf_engl.pdf>. [Просмотрен 12.4.2017]

Kokkonen, Yrjö 2014a. *Ukrainan kriisin tausta – demokratian valuvikoja*. <http://yle.fi/uutiset/ukrainan_kriisin_tausta_demokratian_valuvikoja/7044071>. [Просмотрен 16.1.2016]

Kokkonen, Yrjö 2014b. *Itä-Ukrainassa jännitys tiivistyy: toteuttaako presidentti uhkauksensa*. <<http://yle.fi/uutiset/ita->

ukrainassa_jannitys_tiivistyy_toteuttaako_presidentti_uhkauksensa/7188974>. [Просмотрен 16.1.2016]

Kokkonen, Yrjö, Töyrylä, Katriina 2014. *Interfax: Lentokenttä piiritys jatkuu Krimillä.* <http://yle.fi/uutiset/interfax_lentokenttapiiritys_jatkuu_krimilla/7113973>. [Просмотрен 16.1.2016]

Manninen, Marja 2014. *Yle Uutiset Krimillä: Ukrainan toisenlainen totuus.* <http://yle.fi/uutiset/yle_uutiset_krimilla_ukrainan_toisenlainen_totuus/7113687>. [Просмотрен 16.1.2016]

Pajunen, Ilpo 2014. *Ukrainan poliisi iskee mielenosoittajia vastaan.* <http://yle.fi/uutiset/ukrainan_poliisi_iskee_mielenosoittajia_vastaan/7096141>. [Просмотрен 16.1.2016]

Tapiola, Paula 2014. *Putin: Krimin valtaus osoitus Venäjän armeijan kyvystä.* <http://yle.fi/uutiset/putin_krimin_valtaus_osoitus_venajan_armeijan_kyvysta/7161714>. [Просмотрен 16.1.2016]

Töyrylä, Katriina 2014. *Krimin äänestystulos varmistui: Liki 97 prosenttia kannatti liittymistä Venäjään.* <http://yle.fi/uutiset/krimin_aanestystulos_varmistui_liki_97_prosenttia_kannatti_liittymista_venajaan/7140012>. [Просмотрен 16.1.2016]

Wallius, Anniina 2014. *Venäjän parlamentin ylähuone hyväksyi Krimin osaksi Venäjää.* <http://yle.fi/uutiset/venajan_parlamentin_ylahuone_hyvaksyi_krimin_osaksi_venajaa/7148646>. [Просмотрен 16.1.2016]

Wallius, Anniina, Hanhivaara, Jussi 2014. *Näin Ukrainan kriisi on edennyt.* <http://yle.fi/uutiset/nain_ukrainan_kriisi_on_edennyt/7098411>. [Просмотрен 16.1.2016]

Степанов, Ю.С. 1995. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. *Язык и наука конца XX века. Сб. статей.* РГГУ: Москва, с. 35-73. (отрывок, раздел 1 - сс. 36-45)
Из: <<http://philologos.narod.ru/ling/stepanov.htm>> [Просмотрен 9.3.2016]